

Лариса Шевченко

Т И Н А

12+

Лариса Шевченко

Тина

«ЛитРес: Самиздат»

2020

Шевченко Л. Я.

Тина / Л. Я. Шевченко — «ЛитРес: Самиздат», 2020

В третьей книге серии «Вкус жизни» под названием «Тина» автор ставит много житейских вопросов, в том числе: что такое семья? какова мера терпения женщины в семье с пьющим мужем? Пишет о том, как важно человеку найти свое место в жизни, встретить настоящую любовь, свою половинку и о том, что не всякая жизнь достойна реквиема. Все книги серии можно читать как отдельные, не связанные друг с другом. Но для лучшего понимания идей автора рекомендуется сначала прочесть книгу «Надежда», рассказывающую историю ее детства.

Уважаемый читатель!

Чтобы лучше понять творчество Шевченко Л.Я., я рекомендую Вам прямо сейчас скачать первую книгу автора, «Надежда», по прямым ссылкам:

В формате fb2:

<http://larisashevchenko.ru/files/hope.fb2>

В формате epub:

<http://larisashevchenko.ru/files/hope.epub>

В формате txt:

<http://larisashevchenko.ru/files/hope.txt>

В формате doc:

<http://larisashevchenko.ru/files/hope.doc>

Первая книга содержит историю ее детства, которая проливает свет на многие аспекты ее жизни, поэтому читать эту и последующие книги Ларисы Яковлевны будет интереснее, начав с самой первой.

Приятного чтения!

Во избежание возможных недоразумений хочу предупредить читателей: не стремитесь, пожалуйста, к ложным идентификациям, не ищите себя среди героев книги. Это художественное произведение.

Ярослав

В дверях импровизированной спальни появились Аня с Жанной. Аня держала в руках раскрытый фотоальбом.

– Кто это на фото рядом с тобой? – тихо спросила Жанна. – Смешной, на кота похожий.

– Славик симпатичный, просто здесь заснят в неудачный момент. Он собирался чихнуть.

– Фотография – холодное зеркало образа, – незамедлительно отреагировала Инна.

– Зачем ты так? Было бы правильнее выслушать меня. – обиделась Аня. – Славик из СХИ.

Здоровенный деревенский увалень, с которым мы познакомились на танцплощадке, будучи еще на первом курсе. Голубоглазый блондин, круглолицый, с ямочками на щеках, пухлогубый. Удивительно лучезарный, искренний как дитя, открытый. Землю любил, умел работать на всех сельскохозяйственных машинах, прекрасно разбирался в севооборотах, удобрениях, много читал. С какой радостью говорил о сельских людях, о перспективах деревни! Из глубинки приехал. У него на родине тогда даже электричества еще не было. Колхоз отправил его в институт. Первое время всем восторгался. Но в городе все для него было другое, чужое. И люди какие-то не такие...

И что же? Встречаю я его через три года и поражаюсь: он или не он? В кого превратился! Злой, грубый, недоверчивый стал. Оказывается, в общежитии, где он проживал, всегда находились люди, стремящиеся обмануть его, использовать, высмеять его наивность. В деревне его любили за трудолюбие, за покладистый характер, восхищались его разносторонними способностями. Он никак не мог понять, почему издеваются над ним, таким хорошим? Сначала обижался как ребенок, потом обозлился, замкнулся, даже затаился. Все не мог дождаться, когда закончит учебу и вернется домой, где будет счастлив. Он не хотел становиться плохим.

Душевный был. Бывало, поможет любому, не считаясь со временем, как говорится, последнюю рубашку с себя снимет. Не сумел Слава найти себе друга в городе. Жалко мне его было. Такой редкостный, реликтовый экземпляр, ну прямо-таки доисторическое ископаемое. Второго такого не сыщешь. В нем так глубоко сидела, крепко вцепившись в душу корнями, вера в честность, справедливость, добро... В нашей комнате он отогревался душой. Дай мне фото, я еще раз хочу освежить в памяти его милый образ.

– А кто этот красавец, рядом со Славиком? – спросила Жанна.

– Не помнишь Ярослава?

– Сейчас, навскидку, не вспомню, но подожди...

– Не дурак, по-своему интересный был человек, и все-таки с каким-то заскоком. Как теперь сказали бы мои подопечные детдомовские мальчишки, с закидоном.

– Неужто тот самый?

– Да, да. Печально известный Ярослав. Помнится, был у него какой-то пунктик. Сверхнаивный человек с планеты добра. Раскованно у нас себя чувствовал, как у себя дома. Вольготно так на чьей-нибудь кровати развалится... Счастливый! Ему в голову не приходило, что являться в гости без приглашения – моветон, дурной тон, а иногда и недопустимый. Не принимал он в расчет такие мелочи. Это не единственное его «завихрение». Наслушалась я тогда от него разного... Жанна, ты не могла его хорошо знать, потому что не жила с нами в общежитии.

Никто не помнил, откуда появился этот странный парень в моем окружении. Как-то пришел под Новый год в шикарном коричневом пиджаке и светлых фасонных брюках. Ладно на нем вещи сидели. Сам сшил. На все руки мастер был. Каких только «корочек» у него не было! Одних курсов с десятков закончил, два институтских диплома имел. Но нигде не приживался. На заводе, еще до армии, слесарем работал, все нормы перекрывал в два-три раза, а руководство своих на премии и медали выдвигало. Мало того, бит был неоднократно работягами за «золотые» руки.

«Ты, стервец, – говорили ему, – молодой и здоровый как жеребец, из-за тебя нам нормы увеличат, премии срежут. Как мы семьи на гроши кормить станем, если нам уже за пятьдесят?»

«Я у них как кость в горле был, – горько жаловался нам Ярослав, – а я прославиться честным трудом хотел».

Растолковали ему рабочие, что недостаточно хорошо работать, чтобы в герои попасть, надо еще быть родственником какого-либо из крупных начальников. Девушка у него появилась, крановщица. Успокаивала: «Мужчины в нашей бригаде вместо того, чтобы тянуться за женщинами и доказывать на деле, что они лучше, обгаживают, унижают нас, в лучшем случае – стремятся использовать. Им, видите ли, обидно и досадно, что женщины лучше работают. Их самолюбие задето. Ну, так старайтесь стать достойнее! Нет, это трудно. Кончилось тем, что в бригаде одни женщины остались. Не выдержали конкуренции, разбежались по цехам лучшей доли искать, туда, где одни мужчины работают. А нам сказали, что мы дуры, и что они вкалывать и вымахиваться за такие деньги не станут».

В общем, разобиделся Ярослав на всех, ушел непонятым на другой завод и к прежним дружбанам носа больше не казал. Но и там не сладилось у него. И дипломы не помогли жить. Долго терпел издевки, неуважение, наконец, плюнул на город и в деревню подался, предварительно предусмотрительно выучившись на пчеловода. Душу в пасеку вкладывал, по полям, по лесам ее возил. Ел и спал, не уходя с пасеки. Урожай меда получил великолепный. Взял у руководства машинку, которой мед выкачивают из сот, ручная такая есть центрифуга, качает, радуется как ребенок, взвешивает мед, во фляги запечатывает. Откуда ни возьмись, начальство наехало. Ярослав грудью свой труд отстаивает. Говорит: «Пока в ведомостях не зафиксирую и на склад под расписку мед не сдам, никого не подпущу. Хочу, чтобы в районе знали, как я хорошо работал, сколько сумел получить прибыли, хочу, чтобы меня ценили и уважали. Я не какой-нибудь пропойца или дурак набитый, по науке пчелами занимался, для колхоза и страны вкалывал». Любил он красивые, высокие фразы, считал себя достойным их.

Врезал Ярославу председатель собственноручно, так что отлетел тот на несколько метров. И другие из прибывшей компании под радостный хохот тоже навешали ему оплеух и тумачков с превеликим удовольствием, жизни, уму-разуму наивного ученого дурака «поучили», и давай мед в свою тару разливать, что в большом количестве с собой привезли. Поковырялся в траве Ярослав, кое-как встал, утер залитую кровью физиономию, и, шатаясь, побрел вон с пасеки и из

села насовсем. Снова его щелкнули по носу, фигурально и реально выражаясь. К нам он заехал попрощаться загнанный, издерганный. Говорят, подался куда-то в Сибирь счастья искать.

– Ярослав больше не появлялся в наших краях?

– Нет. Как сгинул. Хоть чудаковатый, с прибабасами в мозгах, а все равно жаль малого. Безвредный, добрый был. Сколько мог полезного сделать, если бы попал в хорошие руки. Лишним, ненужным оказался. Тогда его старание не требовалось. Ему цены не было бы теперь, в перестройку.

– А где гарантия, что какой-нибудь предприниматель и сейчас не использует его грубо и нагло? – спросила Жанна.

– Что гадать? Нам остается надеяться, что удача нашла его. Остался в моей памяти Ярослав с бокалом вина в руке, в этакой картинной позе, такой искренне-счастливый! Мы-то его не обижали, прощали ему излишнюю рисовку, болтливость, навязчивость. Понимали, что наша компания – единственное прибежище, где ему, наверное, казалось, что его ценят, уважают и любят. По крайней мере, у нас он мог позволить себе безбоязненно выговориться.

Помню, пока не раскрывал рта, был таким эффектным, симпатичным парнем! А как заговорит, весь шарм пропадал. Как наворочает, наворочает... Он бывал слишком откровенен, не задумывался, как выглядит со стороны, как звучат его слова для окружающих. Не понимал, что иногда кое о чем стоило бы умолчать. Долго не слезал с интересной ему темы. Его обнаженные откровения шокировали нас. Мы часто чувствовали себя неловко. Мы не подтрунивали над ним, боялись, что поймет иронию. Из сочувствия не могли себе позволить развлечься им. Ведь не с равным. Наивность его была за гранью. Все за чистую монету принимал.

И все же, когда мы тактично останавливали бурный поток его излияний, он понимал, что излишне пользовался нашей добротой, смущался, чувствовал себя виноватым, надолго замолкал или выходил покурить. А как-то пробормотал: «Опять меня занесло» и ушел.

– А помнишь, как Лера обиделась, когда мы, слегка подыгрывая Ярославу, восторжались его пиджаком. Она тогда вся раскраснелась от возбуждения, мол, когда я пришла в новом, мною сшитом костюме, никто не посчитал это чем-то особенным. «Я шью, вяжу, вышиваю, и много чего еще делаю, но это воспринимается как должное, – горячилась она. – А Ярослава так сразу на щит подняли».

«Так он же мужчина, а ты женщина и обязана уметь выполнять женские дела», – попытался защитить нас ее муж Володя, чем навлек на себя гнев раздраженной львицы.

«Я кошу сено, за плугом хожу, дрова колю, пилю – любую мужскую работу выполняю, когда в деревню к родителям приезжаю, и все это ни у кого не вызывает ни удивления, ни восторга. А мужчина, выполнивший женскую работу, сразу героем дня становится!» – возмутилась она.

Тут Володька, прямо при всех, обнял Лерку и «пропел»:

«Успокойся, милая. Ценю я тебя, моя пчелка. Или тебе нужно внимание всех мужчин?»

«Да уж хватит и твоего», – кокетливо рассмеялась Лера, пряча счастливые глаза в плечо супруга.

«И почему память удерживает такие пустяки? Зачем случайные детали и легкие бытовые штрихи чужой биографии на всю жизнь застревают в моем мозгу?» – недоумевает Аня.

– И пока наши ребята курили на лестничной площадке, мы еще долго бушевали, спорили о нас, о мужчинах, об уважении и достоинстве, о равенстве и неравенстве. А когда они вернулись, стол был накрыт к чаю, посуда вымыта. И встретили мы их радостными, шутивными возгласами. И опять звучала музыка, песни, танцы, и опять шумные, беззаботные разговоры хаотично кочевали из одной темы в другую. И все было прекрасно! Молодость, что ни говори, сама по себе – счастье, – вспомнила Жанна.

– Мы тогда все понимающе переглянулись и подняли рюмки за здоровье и благополучие бедняги Ярослава.

– Были такие надежды и ожидания, может, и ложные. – Жанна вздохнула.

– Пусть Ярославу, там, где он сейчас обитает, будет хорошо! Может, нас вспомнит, – сказала Аня, разрежая чуть печальную атмосферу этакого тумана легкой грусти окутавших ее воспоминаний того далекого новогоднего вечера, когда жизнь казалась удивительно прекрасной, не всегда понятной, но от этого не менее интересной и радостной.

Лена погрузилась в размышления. «Чем я отличалась в студенческие годы от Славика и Ярослава в своем наивном желании делать всем приятное и полезное? Да ничем. Помню свой первый день в НИИ на практике. Я очинила всем инженерам карандаши, расставила красиво приборы на столах, потом пыль со всех приборов вытерла – не сидеть же, сложа руки, пока придет мой руководитель? – и вдруг почувствовала на себе удивленные взгляды окружающих... А после все они душевно ко мне относились. Одна из них, Лида Котова, даже добилась для меня у начальства места в общежитии, в котором я очень нуждалась. И денег мне авансом немного выдали, «для поддержания штанов», – так грубовато-весело выразился заведующий лабораторией. Я тогда до слез была всем им благодарна. Повезло мне с людьми. И я старалась всем помочь. У меня было поразительно острое зрение и верная рука. Мои датчики были самыми надежными, и я паяла их всем, кто ни попросит. А, оказывается, этого не стоило делать. Я не догадывалась, что между аспирантами и их руководителями существовала конкуренция.

А потом в лаборатории появился новый инженер Артур Ромулович. И я, перекусывая на ходу, помогала ему целую неделю в свой законный перерыв осваивать вакуумную установку. В последний день обучения, когда я поднялась со стула и начала демонстрировать ему процесс распыления материала, он отставил мой стул и я, закончив цикл, со всего размаха грохнулась на цементный пол и сильно ушибла копчик. Я подумала, что стул он отодвинул случайно, ненамеренно. А он заливисто хохотал, страшно довольный своей шуткой, и даже руки мне не подал, чтобы помочь подняться.

Но этой мелкой пакостью дело не закончилось. Новичок явился к руководителю нашей лаборатории, и в наглой уверенности в своем праве позволять себе делать гадости и без зазрения совести использовать доброту другого, пусть даже не очень умного и неопытного человека, заявил, что я мало загружена своим экспериментом. Он потребовал добавить мне работу над его темой. Не захотел лишаться бесплатной помощницы. Думал, если я помогла ему освоиться, так стану и в дальнейшем за красивые глаза на него пахать. Но я воспротивилась.

Но главная беда была в том, что помогая чужаку, я подвела своего руководителя, будто бы мало занимающегося своими студентами. Ему крепко досталась. Меня все осуждали, а я плакала, не видя своей вины. Потом меня долго «воспитывали» и просвещали на предмет существования некоторых непорядочных личностей, которые ради своей мелкой выгоды подставляют под удар хороших людей. А еще учили не выкладывать все, что приходит на ум каждому встречному. На мое счастье начальник лаборатории все же разобрался в конфликте, и новый инженер покинул нас.

А сколько наивных глупостей в молодости делал мой друг Вовка Рапопорт, прежде чем защитить диссертацию и стать ведущим специалистом? Сколько насмехались некоторые умники над Вовкой Сизовым, а он всех за пояс заткнул, став помощником мэра.

Кто раньше, кто позже взрослеет. Кому-то судьба преподносит встречи с порядочными людьми, кого-то лишает такой возможности. Ярославу не везло. Не нашлось рядом с ним человека, который мог бы длительное время «вправлять» ему мозги».

Лене почему-то ясно представилось, что Ярослава уже нет, а противное сознание как на мониторе компьютера стало четко высвечивать возможные причины его гибели. Ей хотелось изгнать из себя лишнее, мучающее. Она напряглась, перед глазами поплыл красный туман и унес с яркого экрана памяти черные печальные картины.

Лена приподнялась на локте, увидела в альбоме фото Милы и сразу представила лицо ее сына Виталика, тогда еще шестнадцатилетнего. Закружились воспоминания.

Виталик, миловидный, русый, голубоглазый, по-детски пухленький, с яркими полными губами и приятными веснушками под глазами. Умный, по-юношески самоуверенный мальчик. Как он был похож на маму!

Для верности Мила попросила меня стать для него репетитором по математике. Мальчик пытался произвести впечатление, цитируя теоремы из вузовской тематики. А я объясняла ему, что если он на экзамене совершит ошибку в элементарном материале, то никого в комиссии не заинтересуют его отрывочные знания из высшей математики, потому что без крепкого фундамента школьной программы результат демонстрации им «высоких материй» превратится в ноль.

Виталий послушно учился, но нет-нет, да и вставлял одну-другую фразу из вузовского учебника, то ли проверяя меня, то ли продолжая самоутверждаться и производить впечатление. Я понимающе улыбалась и продолжала вести свою линию. Мне важно было, чтобы он достойно показал себя на вступительном экзамене, ибо не к месту ввернутая самохвальная фраза могла и повредить абитуриенту с наивным гонором.

«Потерпи, поступишь, тогда можешь изодраться сколько угодно», – рекомендовала я мальчику, который из кожи вон выворачивался, желая показать себя взрослым и умным.

Так случилось, что я долго не заглядывала к Миле, а когда встретились, разговорились. Усталые глаза подруги заставили меня обеспокоиться. Конечно, я знала, что Виталик поступил, что хороший студент. Но тут хлынул на меня поток горьких, тихих Милиных слов:

– Ошибся Виталик. Будучи еще первокурсником, он пошел в общежитие к новым друзьям и там впервые выпил вина. Тогда же познакомился с девушкой... А тут еще старшекурсники ободряли, мол, не теряйся, учись... сама в руки плывет. А через три месяца Соня пришла к нам. Мы, конечно, поженили их. Она только что окончила школу, но учиться дальше не стала, не видела смысла.

Ребенком не интересовалась, а Виталик был без ума от сына. В общем, мы с ним вдвоем по очереди с малышом сидели: то я с работы прибегу, то он после практических занятий. На лекции ходить не имел возможности, конспекты у студентов брал. И по дому Соня ничего не хотела делать. Я пыталась приучать ее к кухне, к пеленкам, предлагала ей самой воспитывать ребенка – никакой реакции. Я намекала сыну, что жена его, мягко говоря, странная женщина, но он продолжал играть роль счастливого отца и ничего не замечал. На его усталом, измученном лице всегда сияла гордая, счастливая улыбка. Темные круги под глазами, заострившийся, теперь уже не детский нос, при запавших щеках, выглядел солидным, четко очерченным – все это делало его старше и строже. Но пухлые губы улыбались еще так же по-детски радостно. И тонкие, еще не знавшие бритвы светлые усики над верхней губой топорщились восторженно.

А тут выяснилось, что Соня опять беременна. Я забеспокоилась: «Сынок, к концу второго года обучения ты будешь отцом двоих детей. Задумайся, любишь ли ты эту женщину, хочешь вместе прожить всю жизнь или останешься с ней только потому, что она каждый год будет рожать, а ты исполнять свой долг? Если любишь, живи, но в таком случае уходи на квартиру. Нам с отцом трудно будет вас содержать, но пока ты учишься, мы потерпим. Если Соня сама возьмется нянчить детей, ты сможешь подрабатывать, чтобы заплатить за квартиру. Я не выгоняю вас, но хочу убедиться – семья вы или просто случайное образование».

Послушал меня Виталий. Ушли они на квартиру. Устроился он на полставки в НИИ. Я не выдерживала, забегала к ним. И что я видела? Ребенок орал голодный, пеленки кучей лежали в ванной, на кухне горы грязной посуды. Пол даже не метен. Я хватала белье и уносила домой стирать. Сын ночью гладил пеленки, кипятил посуду для ребенка. Я обратилась к родителям

Сони. Они отмахнулись, мол, мы давно не имеем на нее влияния. Может, вы, интеллигентные люди, сделаете из нее человека.

Через полгода начались ссоры. Виталий поставил условие: или занимайся ребенком, или мы разведемся. Она, очевидно, не верила в его угрозы. Родилась дочь. Я заметила, что к ней сын уже не питал таких сильных чувств, но по-прежнему тащил воз учебы, работы и домашних забот. Даже с полуторагодовалым ребенком в институт приходил, когда жена отказывалась с ним сидеть. Я поражалась, с каким старанием он исполнял свой отцовский долг, с какой радостью и гордостью являлся в институт с Алешей на руках. Весь светился. С Олечкой он возился меньше, настаивал, чтобы вторая бабушка ее нянчила. «Моя мама работает и помогает нашего сына ставить на ноги. С нее достаточно», – объяснял он Соне.

Вторая бабушка взялась заботиться об Оле. И тут мы поняли, откуда у Сони такое безразличие ко всему. Она – мамина копия. Прожила за мужем, никогда не работала и ребенка ни к чему не приучала, ничем не увлекала. Приду я к ним, а они обе лежат и либо ссорятся, либо телевизор смотрят, а ребенок в мокрых пеленках на полу, на ковре лежит, чтобы не упал.

Когда Олечке было десять месяцев, Виталик, два года упорно молчавший о своих взаимоотношениях с Соней, вдруг резко, одним днем, заявил мне о разводе:

«Понимаешь, мама, Соня просто самка. Ей ничего не интересно, кроме постели. Ей безразлично, какой я, какие у меня проблемы, к чему я стремлюсь. Ей нужно, чтобы я приносил больше денег и устраивал ее ночью. Я перешел на заочное обучение, но больших денег, будучи студентом, я не могу заработать. Она требует, чтобы я бросил институт и пошел в сварщики. Но моя душа рвется к знаниям, мне хочется быть на переднем плане компьютерных технологий. Соня грозит родить третьего, четвертого. Я люблю детей, но не по силам мне заводить детсад. Я стал избегать супружеских обязанностей, панически боюсь очередной беременности. Я же не смогу допустить аборта. Поддержи меня, мама. В суде я буду требовать оставить мне сына».

Я, конечно, сначала спросила: «А как же любовь?»

Он горько ответил: «Так ведь не было любви с самого начала. Была глупость, потом ошибку исправлял. Сына очень полюбил. Ты знаешь, смешно сказать, как-то по-женски полюбил. Больше матерью ему был, чем отцом. Вот такой я у тебя. У меня уже давно появилась мысль, что люблю я только Алешу, а Соня – просто женщина, которая родила его для меня. Я просил ее не заводить больше детей. Старался для этого, но она перехитрила меня. Обманывала, скрывала дни, когда «нельзя» без предохранения. Она сама мне заявила об этом, когда мы поссорились. Любовь к Олечке у меня с горьким осадком, с привкусом обиды. Не виновата она, но смотрю я на нее как на чужую, не мою. Жалко девочку, а скрыть свое раздражение не могу. Подрастая, она ведь будет чувствовать, что я не люблю ее».

Развели их. Мы Алешу растим. Сын обожает его, всю душу вкладывает. Жениться не спешит, боится вновь ошибиться. Я тоже не тороплю его. Виталик перешел на дневное, в аспирантуру по окончании вуза собирается. Алешенька мне как младший сыночек. Теперь он подрос, и нам стало намного легче.

Душа болит об Олечке. Я иногда забегаю к ней, а Виталий как отрезал. Обида на Соню в нем застыла. Хотя и винит в основном себя, но никак не оттает у него тот ледяной кусочек в сердце. Только Алешенька его радует. Он – пока что его счастливая семья, его любовь. Другой не хочет. Ничего. Природа возьмет свое, еще полюбит.

Мила смахнула слезу и на прощание сказала:

– Тороплюсь, сегодня моя очередь Алешу из садика забирать. Он здоровенький, веселенький, ласковый, в нас конопатенький. Меня мамочкой зовет. Издали сквозь ограду увидит и кричит на весь двор: «Мама, мама! Мамочка!»

Я тогда долго смотрела вслед Миле, желая ей здоровья и счастья. И все-таки мне было грустно. Не по справедливости судьба воздаст таким прекрасным людям. Вспомнила слова зна-

когого журналиста: «И где это, интересно, вы справедливость видели? Идеалистка!» Немного, но видела, а хотелось бы больше.

Лена, подсчитывая, сколько лет теперь внуку Милы, вспомнила о своем внучонке, и под сердцем сразу потеплело.

Юг

Аня задумалась, пытаясь сменить тему, найти новую отправную точку в тихой, но затянувшейся беседе о несчастьях их общих знакомых студенческой поры. Но неожиданно для всех заговорила Жанна.

– Вот мы ругаем детей за отсутствие у них чувства ответственности, а сами их как не сразу его приобретали! Каждый из нас может «похвалиться» своей глупостью. Отдыхали мы семьей на юге, в городке с названием Лазаревское. Было нашим детям тогда три и пять. Пошли погулять в сосновый лес и заблудились. Когда выбрались на открытую местность, обнаружили, что находимся на плоской вершине скалистой горы. Сверху эта гора нам показалась невысокой, и мы решили спуститься по ней, чтобы сократить дорогу к месту своего временного проживания. Тропинку не нашли и начали движение вниз по промоине, сухому руслу ручья. Я шла первая, а муж опускал за ручки наших деток на заранее проверенную и утоптанную мной маленькую площадку. Таким способом мы преодолели метров двести.

Вдруг перед нами открылось глубокое ущелье, по дну которого несся бурный сверкающий брызгами поток. На его берегу стояли малюсенькие люди-муравьи. Они энергично махали нам руками и что-то кричали. Меня озадачила непредвиденная смена декораций, но не испугала. Рассудив, что подниматься в гору намного труднее, мы с мужем решили продолжить спуск. К тому же эмоциональное поведение людей, отдыхающих около горной реки, мы приняли за призывные приветствия.

А тут новый сюрприз: тропинка-промоина неожиданно закончилась на крутом обрыве. Мы, оказывается, теперь находились на огромном куске скалы, широким тупым выступом нависающем над пропастью. Но и эта ситуация не заставила нас насторожиться. Мы отступили от края бездны, обогнули опасный выступ и ушли немного вправо. Без тропинки идти стало сложнее. «Нам ли бояться трудностей», – думала я, уверенно, по-деловому ощупывая ногами каждый камень, оценивая его надежность и устойчивость, перед тем, как перенести на него малышей.

«Путешествие» оказался долгим и утомительным, но мы были молоды, здоровы, энергичны и, достигнув подножья горы, ничего, кроме удовлетворения от удачно проведенного спуска, не почувствовали. Радости прибавляло и то, что начавший накрапывать дождик уже не пугал. Крыша домика, в котором мы снимали комнатку, виднелась совсем близко, и у нас появилась надежда успеть вернуться домой, не вымокнув.

Одно удивило: люди встретили нас молчанием и испуганными глазами. Одна женщина покрутила пальцем у виска, другая осуждающе покачала головой. Мужчины изучали нас, как марсиан. Я почувствовала себя неловко под обстрелом сочувствующих взглядов, говорящих о неадекватности нашего поведения, поэтому растерянно оглядывалась вокруг, ища тропинку к своему домику, желая поскорее скрыться от людей и попытаться осмыслить причину такого резкого неприятия нашего появления. И тут я совершенно случайно повернулась лицом к горе, по которой мы только что спустились. И обомлела. Сердце мое упало. «Неужели это мы с детьми только что совершили спуск по этой почти отвесной громадине?!» – ужаснулась я.

«Ваше счастье, что успели до дождя. Здесь, в горах, в считанные минуты образуются мощные бурные потоки. Они с дикой скоростью несутся вниз, захватывая обломки скал, сметая все на своем пути. Эти камни в один миг могут перемолоть кого угодно. Человек, наблюдавший такую трагедию со стороны, больше никогда не сможет пойти в горы. Вы страшно рисковали, отправляясь в такое путешествие. Наверное, впервые в горах? Понимаю. Эйфория. На юге и

душа, и мозги отдыхают, безрассудство нападает, а в горах надо быть постоянно начеку», – с интересом разглядывая нас, сообщил человек преклонного возраста.

В тот момент ужас в моем сердце преобладал над стыдом. Я живо представила себе, как мы с мужем в поисках детей беспомощно барахтаемся в пенящемся грязном потоке, несущемся с громадной скоростью, цепляемся за выступы, пытаюсь найти точку опоры. Нас бросает на острые камни. Мы видим, как вывернутые потоком булыжники долбят наших малышек, но уже не можем их догнать, не можем помочь, защитить... Потом для всех нас наступает вечная тьма...

Мне стало дурно. Ноги подкосились... Вот что значит отсутствие информации. Не знаешь, чего надо остерегаться и не боишься.

Чтобы сократить путь домой, один из молодых отдыхающих предложил моему мужу интересный вариант. «Тут рядом, в скале есть грот, в нем находится естественный цилиндрический туннель, заполненный спокойной водой. Преодолев его, мы окажемся на другом берегу ручья. Туннель такой, как в знаменитом бассейне, построенном на месте храма Христа Спасителя в Москве, – объяснил он. – Его самостоятельно преодолевают даже дети дошкольного возраста».

«Но в московском бассейне вода теплая, а здесь ледяная. А вдруг судорога ноги сведет?» – испугалась я за жизнь и здоровье малышек.

Молодой человек стал уговаривать моего мужа плыть вдвоем, дразнил, на «слабо брал». Наверное, один не решался спуститься в «трубу». Но я вмешалась, заявив, что нам с детьми приятнее и полезнее вместе вымокнуть под теплым южным дождем, и что мы предпочитаем, чтобы в незнакомых местах наш защитник и помощник всегда был рядом. Муж взял младшенького на руки, и мы заторопились на квартиру. Видно, опыт опасного спуска пошел нам обоим на пользу. Мы больше напрасно не рисковали.

– А Галя, когда в МГУ поступала, совсем не боялась. В школе на выпускных экзаменах она больше волновалась, потому что стыдно было перед учителями и одноклассниками ошибиться. Как же, отличница, и вдруг опозорилась бы, – подала голос Аня.

– Когда человек совсем юный, он сам у себя есть и ничего не боится. И только становясь старше, пытается трезво оценивать свои данные, окружающих его людей и начинает волноваться, бояться, – сказала Инна.

– Она не боялась, потому что экзамены в Москве были на месяц раньше. Если бы провалилась, то в августе могла поступить в любой другой вуз. Страховка успокаивала, – объяснила «мужество» подруги Лена.

– Ой, а что с Лерой в школьные годы было! – Аня душевно вздохнула. – Она со мной этим поделилась, когда я к ней в гости приезжала.

«А я боялась, что Инна и тут руку приложила. Она ко всем пытается пристроиться», – про себя усмехнулась Жанна и засыпала Аню вопросами:

– Твои летние маршруты приобрели определенную географию? На практике науку изучаешь? Всю Россию объехала?

– «Тайна сия велика есть», – отшутилась Аня.

«Наш девятый «А», – рассказывала мне Лера, – включился в городское соревнование по сбору металлолома. Родители одного ученика получили разрешение очистить территорию старого завода. Там оказалось много металла, зарытого в землю. Было нелегко, но мы работали лопатами и ломом с азартом. Нам даже выделили грузовик и подъемник. За проявленное трудолюбие власти города отметили нас премией.

Было решено всем классом отправиться в Крым. На свой страх и риск поехали «дикарями» в сопровождении двух учителей. До Ялты добрались на поезде. Ночевать попросились в школу. Наш город в те годы в сфере образования был передовым и на слуху у всех педагогов

страны. Все хотели видеть, как выглядят «жертвы» новых методов воспитания. Мы произвели хорошее впечатление, и нам запросто выделили спортзал и матрасы.

Когда добрались до моря, нам показалось, что неба стало очень много, потому что оно сливалось с морем, и только ближе к берегу превращалось в воду. Это явление произвело на нас внушительное впечатление. Очень оно нам понравилось. У нас дома река серо-буро-синяя, а здесь вода чистая, зеленовато-голубая и такая светлая, радостная, ласковая, притягательная! Глядишь на нее, и из души уходит все мелкое, суетное, горькое. Нанюхались мы соленого морского воздуха, накупались и отправились в Симферополь, а оттуда, не согласовав ни с кем своего решения, – в Севастополь. Очень уж захотелось увидеть город-герой.

Наш путь пролегал через горы. Мы их тоже видели впервые. «Горы – чарующая, но грозная красота! Узкие горные дороги как откровение! Как слезы на ресницах – серпантин! Вам не понять – вы не любили!» – восторженно шутил Женька – мой сосед по парте. А одноклассник, сидящий в классе обычно позади меня подхватывал: «Какое счастье, что мужчины и женщины никогда до конца не поймут друг друга. Поэтому им всегда будет вместе интересно!» И мы все дружно хохотали над шутками наших товарищей. Настроение было приподнятое, хотя с непривычки сердца замирали от страха. Автобус двигался в двух метрах от края обрывов и километровых пропастей. Ни справа, ни слева не было бордюров. Многих тошнило, приходилось останавливать автобус и «дышать» на обочине. Но самочувствие не испортило бодрого настроения, и мы с улыбками и песнями прибыли в город.

Севастополь долгое время был закрытым военным городом. В тот год он впервые открылся и не был подготовлен для туристов. Конечно, все достопримечательности были связаны с войной. Мы прошли по местам боев, побывали на Малаховом кургане. Все вокруг было не ухожено, не причесано, натурально. Как в дни сражений, вся земля перемешана с осколками. Трава не росла даже через пятнадцать лет после войны! Помню, тогда это меня сильно потрясло. И я подумала: «А сколько же не заживают раны людские?»

Глубокое впечатление на всех ребят произвело поле битвы. Ад сражений представили, вообразили людей, героически погибавших на этом малом участке нашей Родины. Потом долго не могли уснуть, вспоминали увиденное, переживали.

Обратный путь осуществляли по морю, на корабле вдоль всего побережья Крыма: Алушта, Алупка, Мисхор. Целый месяц путешествовали! Тогда для туристов было мало удобств. К тому же нам приходилось экономить. Готовили в основном сами, иногда в столовую ходили. Все у нас происходило стихийно, поэтому случалось питаться «подножным кормом». Шелковицу, алычу, абрикосы ели. Они там повсеместно росли вдоль дорог.

За маленькими городками, за цепочками домов по побережью высились горы. Они нависали над дорогой, манили, звали, будили воображение. Единогласно было принято решение залезть на самую высокую гору – Айпетри. Местный житель показал нам дорогу к ее вершине. Пошли, всматриваясь в почти невидимую тропу. А она вилась, иногда даже назад вела. Это не понравилось нам, доморощенным туристам. Мы попытались сократить путь, пошли к вершине, как нам казалось, кратчайшим путем, напрямую, по крутому склону и заблудились».

– Видно, это главная ошибка всех, кто впервые знакомится с горами. Всё всем кажется близким и простым, – со своим выводом из рассказа Ани подросла Инна.

Аня продолжила рассказ о путешествии Леры.

«Идем, ползем из последних сил, цепляясь за деревья и кусты. Вымотались, но достигли скалистой части горы, где уже не рос лес. Сделали привал на маленькой площадке, сняли рюкзаки, кеды. И вот тут нам повезло. Провидение сжалилось над неопытными школьниками и дало подсказку. Один мальчишка случайно задел свой рюкзак и он, переваливаясь с боку на бок, на глазах изумленных ребят покатился с горы, быстро набрал скорость оборотов и исчез из виду! С нескрываемым ужасом мы смотрели на бешено вращающийся рюкзак, не пытаясь перехватить его. Каждый в этот момент представлял в этом мчащемся в бездну клубке себя.

Это событие ошарашило и отрезвило нас. Что делать? В рюкзаке провиант, ценные вещи. Подумали, что далеко не укатился, зацепился где-нибудь. Найдем и вернемся к месту привала, а там двинемся дальше к конечной цели вылазки – прекрасной вершине! Стали спускаться. Чувствуем, тяжело. А рюкзака все нет и нет. Только на полпути обнаружили. Подниматься уже не было сил. Нашли более-менее ровную площадку. Расположились лагерем. Разбили палатки. Заночевали в лесу, так и не найдя туристической тропы.

Отсутствие знаний и опыта создавало ложное чувство уверенности, провоцировало на дерзкие, порой отчаянно-авантюрные поступки. Нам не приходило в голову, что подниматься в гору легче, чем спускаться, что без проводника мы рисковали не только здоровьем, но и жизнью. В горах могли быть осыпи, ливни, камнепады, опасные заморозки и много еще чего непредвиденного. Если бы не рюкзак, неизвестно еще чем мог закончиться наш поход. Могли бы насмерть замерзнуть. Случай спас нас от возможной трагедии. Позже узнали, что на эту гору напрямую не ходят. Нам было жаль, что «не зная броду, полезли в воду», что не добрались до смотровой площадки, но никто не скулил, все равно назад шли с азартом. Ведь все было в диковинку!

Потом на море в шторм купались. Море гневалось, волны бесновались, а мы были счастливы! Поражала невероятная силища морской стихии! Местные жители боялись, что нас может разбить о скалы. Учителя тоже не понимали опасности. Страху ни у кого не было. Повезло, без потерь и ран обошлось. Один старик пошутил: «Кто-то в вашей компании больно счастливый. Его ангел-хранитель всех вас оберегает».

Так вот и отдыхали. Исключительно все были довольны поездкой. Ведь каждый день приносил что-нибудь новое, яркое, интересное. Поход на всю жизнь запомнился. Теперь вот палатки и рюкзаки остались в прошлом. Годы...»

Аня вздохнула. В ее детстве не было походов и приключений. А Инна, глядя на нее, подумала: «Внешне Анька какая-то невыразительная, беспомощная, но какая в ней присутствует сила духа! Намного старше нас, а до сих пор справляется со своими подопечными детдомовцами».

Обо всем понемногу

...«Марго и Кира ценят в себе разные качества, – но обе, безусловно, женщины неординарные», – подумала Лена и тихо спросила у Инны:

– О Веронике слышала что-нибудь? Она завтра приедет на встречу сокурсников?

Та так же тихо рассказала все, что знала о ней:

– Пошла по стопам матери: стала любовницей крупного начальника. Не претендовала на то, чтобы он со старой женой развелся. Ездила с ним в командировки в качестве секретаря, в основном за границу. Сразу получила двухкомнатную квартиру. Нищету не разводила, копя на кооператив. Вырастила двоих прекрасных детей. Говорила, что была очень счастлива с ним. Ее мужчина был удивительно чутким человеком. Такие редко встречаются, один на миллион. Утверждала, что в качестве любовницы получала больше тепла и внимания, чем любая из нас, замужних. Он всегда был нежен, ласков, заботлив. Рассказывала, что много лет подряд, не считая командировок, у нее два раза в неделю был праздник, а будней не знала. Дети отлично пристроены, их до сих пор «ведут» по жизни.

– А я-то все терялась в догадках: как они сумели так быстро подняться на такую высоту? И перестройка им не помешала, – прошептала Лена.

– Не знаю, почему Вероника вдруг раскрылась передо мной? Наверное, потому что этот мужчина уже умер, – предположила Инна.

Тихий голос Ани донес до Лены:

– Валя Науменко? Она через год после окончания университета вышла замуж. Я сама была свидетелем их романтической истории. Муж у нее легчик. Без неба свою жизнь не пред-

ставлял. Встречала я подобных деревенских ребят. Такие любят раз и на всю жизнь. Уехала Валя с ним в какой-то маленький городишко на Дальнем Востоке. На прощание я спросила: «Не боишься раскаяться в своем выборе?» И она мне поведала, что много кавалеров крутилось около нее, но все они были или «материально озабоченные», или богатенькие, ленивые даже в проявлениях внимания – хлысты. Только о себе болели их тощие душонки. «Мой муж любит меня какой-то первозданной еще от Адама и Евы любовью. В нем столько нежности и ласки. Он из какой-то другой жизни. Что я видела и слышала раньше в своей семье? Деньги, борьбу за власть, встречи с нужными людьми, шмотки. Родители погрязли в этой борьбе за достойное с их точки зрения существование. А я мечтала, чтобы меня любили, и я любила. На край света за мужем пойду».

Помню, я очень была удивлена, что девочка, выросшая в условиях достатка и внимания близких, так нуждалась в настоящей любви, и так глубоко понимала ее ценность.

– Вот завтра, на общем сборе однокурсников и выяснится, какое счастье у нее получилось, – неопределенно пожала плечами Инна.

«Подвергает сомнению любое доброе дело, любые самые прекрасные отношения. В ней появилась совсем не свойственная в прежние времена болезненная недоверчивость?» – подумала о подруге Лена.

...«Кира себя хвалить не позволяет, чтобы кого-нибудь не задеть, не ущемить ненароком. Щадит неудачниц. Беспокоится, не будет ли она рядом с нами выглядеть обидно счастливой. Бойтся, не станут ли наши души корчиться от боли и зависти? Скромна, тактична. Риск сводит к минимуму: все больше рассказывает о хорошем в других семьях, о тех, кто далеко и счастье которых не так цепляет. Несчастливому человеку тонко посочувствует, воздаст его горестям должное... Она умеет. Спокойная непринужденность ее речи успокаивает. Конечно, в сострадание удачливых и счастливых не очень-то верится, оно всегда сомнительно. Хотя есть же такие, что сочувствуют и поломанному цветку, как например наша Тина. Но не у каждого сердца жалости бездонная яма. Нет, все-таки Кира хоть и своеобразная, но хорошая, – про себя рассуждает Инна. – А Марго?..»

Аня рассказывает.

– ...Моя подруга под впечатлением от пушкинского письма Татьяны, написала признание молодому человеку, который ей нравился. А он стал хвалиться им перед всеми знакомыми девчатами и ребятами. Носил этот листок с собой до тех пор, пока до дыр не истер. Подруга стала случайным свидетелем демонстрации своих чувств... Возненавидела его. И была права.

И потом, будучи женатым, он предлагал ей: «Измени хоть раз, а то в старости нечего вспомнить будет».

А она ответила:

«Не понимаю я тебя. Разве может принести радость память о падении, о подлости, которую ты совершаешь по отношению к своей жене? Какие вы с женой разные! Я сочувствую ей».

«А я тебе», – нагло заявил он.

«И что я должна была подумать? Он натравливает меня на мужа, ссорит? А я не поведу», – решила моя подруга.

Пакостливый мужик. Горбатого могила исправит».

«И на самом деле может оболгать и рассорить. Не раз встречала подобных гадов. Откажешь такому, а он в отместку... Если бы информация всегда доходила до людей в правдивом, достойном освещении...» – Сказано было Жанной резким раздражительным тоном.

– ...И почему мужчины в женщине только красоту замечают? Коллега рассказывал: «Глаза изумрудные, руки удивительные, с прекрасной формой ногтей, какую я люблю. И ноги соответственно... Этого было достаточно, чтобы я влюбился и женился». Мне бы хотелось,

чтобы любимый мужчина ценил во мне ум, характер, домовитость – качества, которые всегда со мной. А если я подурнею, то уже не буду нужна?

– ...В обед сильный дождь прошел. И вот иду я с работы привычным маршрутом в своем любимом белом брючном костюме, лужи старательно обхожу. А у самого перехода, ведущего к остановке моего автобуса, есть неудобный отрезок дороги: низина, газон почти у самой зебры и грязная, скользкая узенькая пешеходная дорожка метра три длиной. Ну думаю, пережду поток машин, и пока светофор не позволит остальному транспорту двигаться, я успею проскочить неприятное место и спрятаться от брызг, летящих из-под колес, в недостижимой глубине продуваемого всеми ветрами пластикового павильона остановки. Оглянулась, сзади меня только одна машина. Бегу трусцой. Остается два шага. На табло еще пять секунд. Слышу, срывается машина... и понимаю, что сейчас она окатит меня с ног до головы. Водитель мог бы не задеть колесами лужи, – две полосы проезжей части дороги были пусты, – но он, вильнув рулем, проехал у самого бордюра, где лужа наиболее глубокая, «изобразив, в воздухе высокий и широкий веер черной воды, оставив кривой грязный след на асфальте... и меня на остановке в костюме клоуна: наполовину черном, наполовину белом в крапинку. Но этого молодому человеку показалось мало, ему надо было наиболее полно насладиться результатом своей пакости и моей растерянностью. Он притормозил в трех шагах от меня, высунул в окно кабины счастливейшую физиономию, помахал мне рукой и, очень довольный собой, поехал дальше. Мужичонка такой неказистый: маленький, тощий, страшенький... Богом обиженный?

– Вымывай из своей памяти негатив, храни только позитив, – посоветовала Жанна Инне.

– Если бы это можно было делать по заказу, легче решались бы многие проблемы, – вздохнула Инна.

– ...В больнице это было. Лежала я на сохранении. Сельские непривычные нагрузки... Состояние выкидыша... Была среди нас в палате странная особа. Чуть что – орать на всю больницу. Появился под окнами ее благоверный. И на него понесла! Хоть уши затыкай. Как только ни обзывала!.. Захлебывалась от удовольствия, что при всех костерит. Когда ее муж ушел, я спросила, сколько лет они женаты. Потом предложила предсказать ей судьбу. Она с интересом согласилась. И я сказала: «Если будешь продолжать неуважительно относиться к мужу, он на самом деле станет импотентом. Калекой его сделаешь. Возненавидит он тебя. Это называется «ни себе, ни людям». А может, случится так, что только на тебя он не будет реагировать. Тогда найдется другая, опытная и умная. И поймет он, что есть на свете женщины более добрые и ласковые. Сначала бегать налево начнет, потом совсем тебя оставит. Тебе это надо? Вам только по двадцать. Вся жизнь впереди. И о ребенке подумай». Притихла.

– Надолго ли?

– Думаю, осознала.

– ...Ой, да все мы из одного теста слеплены – и мужчины и женщины – и у каждого из нас в течение жизни бывало несколько периодов влюбленности. У одних они наступали через три года, у других через пять лет, а у некоторых, как у меня, например, этот интервал составлял десять лет. Так видно природой устроено, может даже по необходимости, для поднятия стимула рождаемости. И нечего мужчинам хвалиться своим охотничьим инстинктом и будто бы только им присущим стремлением к разнообразию.

Но наличие этих периодов совсем не означает, что надо бросать одну семью и бегом заводить другую. Влюбленности проходят, а семья остается. Я, например, всегда умела обращать их на пользу себе и своей семье. У меня, когда я тайно симпатизировала кому-то другому, появлялось желание больше нравиться своему мужу. Я становилась энергичней, привлекательней, веселей. Чувство влюбленности возникало не по моей воле, спонтанно, но я не позволяла ему

выходить из берегов, направляла его, корректировала... – Это Жанна тихонько шептала Ане свои секреты «бытия». – А может, биология тут не причем? Все мы не идеальны, вот и ищем в ком-то другом то, чего не хватает в любимом человеке. Естественно, что найдя схожего, симпатизируем ему, может быть, даже немного влюбляемся, но любовь тут не причем. И мчаться сломя голову на диван к этому человеку по первому его зову или разбивать его и свою семью, считаю великой глупостью.

Я, лично, в таких случаях воображаю, что, обожая кого-то, читаю интересный роман, где я главная героиня и не более того. Я страдаю, переживаю, мучаюсь, но никогда не действую. Иногда довольно долго болею этой странной болезнью, но побеждаю ее. Это безобидно и полезно.

– А главное – детей от этого не бывает. – Вездесущая Инна и тут сумела услышать и вставить свое словцо. – После нескольких неудачных браков я презираю мужчин в основной их массе. Все зло от их похоти, распущенности и лени: проституция, педофилия, наркотики, алкоголь, несчастные судьбы наивных девушек, слезы брошенных детей. Если бы у меня была дочь или внучка, я бы ей сказала: «Не верь мужчинам, завлекай их, издевайся над ними и, не подпуская к себе, бросай», – энергично откликнулась она на «секретные» слова Жанны.

– Вот и я вплотную подошла к разгадке твоего феномена. Теперь я знаю, почему Бог не дал тебе ни дочек, ни внучек, только племянников помогаешь растить, – рассмеялась Жанна и тут же прикусила язык, испугавшись, что обидела Инну.

– ...Их брак рухнул после той истории, – услышала Лена. – Это неожиданное известие совершенно опрокинуло мои представления об их семье, казавшейся мне надежной, – говорила о ком-то Аня. – На этот раз после его демонстративного хлопка дверью за ним никто не побежал, и он понял, что это конец. Стыд и злоба душили его: он уходил осмеянный. Ладно бы один на один, а то ведь при свидетелях. «Оскорбила, унизила!» Он думал, что тертый калач, что всегда держит ушки на макушке. Проиграл. А жене уже было безразлично, как он ее понял. С той поры пошли у него дела из рук вон плохо. Потом ничего, пообвык малость. Ко мне «подкатывался», пытался произвести впечатление, даже сестру просил замолвить передо мной словечко. Обижался, что не хочу вникать в его добрые намерения. Но мысль о нашем с ним браке казалась мне чересчур дикой. Он раны скоропалительной женитьбой хотел зализать, а мне зачем неуправляемый вепрь?

– Что, брака без расчета не бывает? – усмехнулась Инна. – Брак – это договор о закреплении. Хорошо, если о взаимном и любовном.

– Прошло еще немного времени, он успокоился, присмотрелся и обзавелся новой семьей. Сложилось ли у него на этот раз, я постеснялась узнать, только спросила: «Что тебя мобилизовало на новый подвиг?» И он мне в шутку объяснил свою позицию в вопросе брака: «Между женатыми и холостыми мужчинами существует что-то вроде вражды. Женатые завидуют свободным, а те, в свою очередь, не выносят манеры «повязанных» изображать из себя более счастливых. Женатые с недоумением смотрят на мужчину в возрасте, хвастливо заявляющего: «Я холостой». Мол, что тут можно подумать? Раз никакая, даже самая никудышная не подобрала, значит, женилка не работает или руки не оттуда растут...»

Инна зевнула в ладошку. Ее равнодушное любопытство было неприятно Ане, и она обиженно замолчала.

*

Лена открыла глаза. Похоже она немного вздремнула. Ей даже что-то снилось. Сознание уже работало, а тело еще не проснулось и было онемевшее.

Подруги, оберегая ее сон, тихонько шушукались и хихикали.

– ...Она, не смущаясь, кликала себя штепселем, – вспомнила Аня.

– В надежде, что кличку подхватят и не придумают что-то более злое? – спросила Инна. – Представляю, при ее росте иметь параметры 88x45x90!

– По нынешним меркам она вовсе невысокая и очень даже стройная. А у тебя какие ассоциации?

– Оглобля, верста коломенская, стропила.

– Приемлемо. Помнишь Ирку, которая в цоколь своей настольной лампы бумажку всовывала, чтобы в ее отсутствие ею никто не пользовался? Так вот она придумала обзывать Олю «глиста в корсете». Вот зараза! Но не привилась ее гадкая кличка.

– Гнида она и есть гнида – передернула плечами Инна. – Черт возьми, это пахнет завистью к Олиной осиной талии. Сочувствую Ирке. У нее, наверное, ее отродясь не было.

– Мы, женщины, бываем слишком на язык остры, – вздохнула Жанна.

Инна рассказывала:

... В НИИ на практике это было. До начала работы оставалось минут десять. Девчонки устроили из лаборатории примерочную: стали выхватывать друг у дружки шляпки и обезьяничать перед зеркалом. Лариса, какую шляпу ни померит – все будто на нее шиты. Тут появилась наша главная модница в шикарном пальто и в восхитительной шляпке. У Лариски глаза загорелись. Поломавшись, Наталья снизошла и величественным жестом сняла с себя парижскую обнову. Лариса надела ее... и все онемели. Перед ними стояла не «тарзанка», а девушка благородных кровей! Лариска сама обалдела от неожиданности и стала упрашивать продать ей сокровище. «Ты же сама видишь, что мне она больше подходит. Я займу денег, переплачу, я буду на всем экономить», – умоляла она Наталью. «Чтобы кто-то выглядел лучше меня? Я в ней на весь город одна единственная, неповторимая» – заносчиво отрезала хозяйка шикарной шляпы и гордо удалилась в свою лабораторию.

Лариска смущенная категоричным отказом принялась примерять шляпу ширококолицей и узкоглазой сорокалетней лаборантки, на которой это чудо советской моды – где, в каком хламе она ее отырла? – сидело как первый блин, который всегда комом. Но даже это уродство украсило круглую Ларискину мордашку. Она удивилась, мол, думала, буду на пугало похожа. И тут же нашла объяснение этому явлению: «Я еще в деревне поняла, что шляпы – это мое, и отказывалась напяливать на голову платок, в котором выглядела чучелом. Зимой я одна на всю деревню в мужской шапке ходила, а летом в пилотке из газеты или плела себе широкополые шляпы. Технологию их изготовления сама придумала. Из любой бумаги плела длинную косу, пропуская внутрь медную проволоку от сгоревшего трансформатора, а потом сшивала из нее шляпу по спирали, начиная с тульи. В ней нельзя было под дождь попадать, а от жары она хорошо спасала, лучше платка».

– Инна, ты помнишь, как девчонки, отправляясь на свидание, надевали все лучшее, что находили друг у друга? – спросила Аня.

– До сих пор не могу забыть, как испачкала Валин плащ, а очистить пятна не сумела, разводы остались. Кто же знал, что этот сумасбродный Юрка осмелится прижать меня к смолиному стволу роскошной сосны? – грустно усмехнулась Инна.

– Получила Валя – та, что с математического – за отличную учебу от мамы подарок – прелестный бархатный костюмчик шоколадного цвета. Ее маме, которая работала на химическом заводе, в качестве премии выдали материал, какого в свободной продаже не купить. Лариса с одного взгляда поняла, что он идеально ей подходит: широкая юбка-парашют, строгий блузон с круглым вырезом «под горлышко» под ее длинную шею. Но претендовать на такую дорогую вещь не посмела даже в мыслях, только попросила разочек примерить.

Она выглядела как картинка из импортного журнала, которые приносила нам Дина. А Кира тогда пошутила: «Не зря модельеры утверждают, что легче всего одежду шить на палку. А Лариса не обиделась, как комплемент восприняла ее слова. Все понимали, что на невысокой

полненькой Вале костюмчик сидел куда как менее выигрышно. Но кто бы мог расстаться с такой прекрасной вещью в наши скудные времена! Так вот, Лариса всю молодость мечтала о таком костюмчике. Но когда появилась возможность, то поняла, что этот цвет ей уже не идет, а более яркий бархат ей достать так и не удалось... – сочувственно сказала Аня.

– Не все мечты сбываются, даже такие скромные, – задумчиво заметила Жанна, что-то припоминая.

А на Инну это разговор навеял совсем другие воспоминания.

– Гадкий преподаватель перед глазами как живой встал. Лицо страшное, бледное в голубых прожилках. Нос огромный, синий, глазки пороссячи, злые, уши как у осла: огромные волосатые. Посмотрю на него – и вся аудитория плывет и дыбится. В седьмой раз пришла к нему на пересдачу... Получили задачи, билеты, сидим, готовимся. Час проходит, второй, третий... Молчим, боимся слова сказать. Мало ли как отреагирует. Потом он стал нас вслух пересчитывать. Опять мертвая тишина. Наконец он нас снова пересчитал и говорит: «Я пойду «Голубой огонек» смотреть, а вы все отправляйтесь в кино. Каждому пара найдется, я проверил». Нравилось ему издеваться, проверять нервную систему студентов. Каждый год из-за него два-три студента в психушку попадали. И моя соседка по комнате... Отец ее в детстве до крови избивал и она мечтала вырваться из-под власти деспота... А управы на доцента не найти. У него в обкоме «рука» была. И ноги ему студенты перед сессией ломали и гроб на семидесятилетие присылали...

Еще одно воспоминание всплыло в ее памяти.

– Когда отменил Хрущев в студенческих столовых бесплатный хлеб, совсем туго стало студентам. Раньше, бывало, после обеда набьешь карманы хлебом – вот тебе и ужин и завтрак. После столовой уже через час ходишь голодным. Хоть волком вой... А Лиля рассказывала: «Смотрю на горячий белый пирожок, слюнки слглатываю, но пересиливаю себя и покупаю шесть кусочков черного хлеба». Мишка еще больше от голода страдал. Спортсмен, два метра роста. Подрабатывал, конечно, когда время находил. А в столовую часто с пустой коробкой из-под торта ходил. Приметит, где на тарелках еда осталась, присядет к этому столику и тарелку в коробку незаметно положит. Иногда и с нескольких соскребет. Виртуозно это проделывал, продолжая весело балагурить со своим постоянным другом. А я ходила в гастроном нюхать запах дорого копченого осетра. За пять лет учебы так и не попробовала».

А мысли Ани перескочили на настоящее.

«...Зоя все о Мите, да о Мите. Будто ее самой не существует. Будто не принадлежит она себе... А все-таки он любил ее. Обидел как-то, и она осталась в саду с ночевкой. Так он рано утром за ней с первым автобусом приехал. Но потом опять обижал. Вот и пойми его... Может, приехал потому, что няньки боялся лишиться?»

А почему он не хочет в семье быть откровенным? Знать, самому есть что скрывать. А почему не желает вникать в дела семьи? Чтобы не нести за нее ответственность, чтобы жена во всем была виновата, а он чистенький, хороший. А почему груб? Чтобы не приставали, давали вольно жить. А почему, если не ругается, то молчит? Боится высветить отсутствие эрудиции. Его поведение – проявление уязвленного самолюбия? И за что Зоя его любила?..

Почему Дмитрий любые слова жены воспринимает как укор, упрек себе? Может, мать взращивала в нем чувство вины и он постоянно оправдывался перед ней, а потом нашел более легкий способ – врать, перекладывать вину на кого-то и уже самому верить, что ни в чем не виноват. И на Зою переложил, и всю жизнь ее винил... Своей вины никогда не помнит, но чужую, пусть даже самую малую, никогда не забывает. А может он таким уже родился? Вряд ли.

...Недавно услышала от подруги интересное замечание: «Если мужчина к жене ласков и заботлив, то если даже у него на стороне есть «девочка», он не уйдет из семьи, а вот если холо-

ден и зол – жди беды». Об этом надо знать и помнить каждой женщине, чтобы быть настороже или вовремя разойтись, пока «любимый» окончательно не угробил ей здоровье?

...А Инна все больше о себе говорит. Мужья не заслуживали? Так и Митя тоже... Но почему Зоя совершенно автоматически подчинялась мужу? Любила? Я думаю, привычку подчиняться не могла преодолеть. Детдом, иждивенка в семье. А Инна пошутила: «Проблема в том, что она в детстве не испытала сладости непослушания». А ведь и права! Как это мне не пришло в голову?

Хотя, если вникнуть, не подчинялась она мужу, сама, любя его, все делала для него.

...Инна, рассказывая о подругах, не привирает, может, только совсем чуть-чуть разбавляет своё повествование... излишком эмоций. Не любит она примитивных вещей, но если кто-то заходит в тупик, она мгновенно соображает как выйти из положения. И помогает на раз и талантливо, ни у кого не спросив разрешения. И что самое удивительное, нутром чувствует, где важно не перетянуть, что нужно не передержать, чтобы всё утряслось и урегулировалось.

...Лена и печалится, и огорчается, но все равно счастливая, потому что нескгибаемая. А я теперь каждый день просыпаюсь с ощущением счастья. Жива! Хочется говорить всем добрые слова, радоваться за всех. И работа мне всласть! Ее не навязывают мне, сама бегу. А кому-то она – рутина. Инка смеется: «По дурусти согласилась?» Чудачка, чертик с рожками. Если я не буду себя отдавать, я заболею. Организм лучше знает, что мне надо».

Воспоминания утомили Аню и она задремала.

*

Жанна скользнула глазами по книжной полке, что висела на противоположной стене, и ей пришло в голову, что современные писатели уже не смогут так писать о периоде с тысяча девятьсот семнадцатого по тысяча девятьсот тридцать девятый год, как это делали очевидцы тех трудных смутных лет. В них уже не сидит железная вера в то, что те люди совершали великие военные и трудовые подвиги. А еще она подумала о том, что пока росли ее дети, ей некогда было думать о смысле жизни, не было времени заниматься самоанализом.

– ...Чего только в жизни не встретишь! Еду я как-то в поезде с внуками к моей подруге. Входят в купе двое миленьких старичков. Я еще подумала тогда: «Какими они, наверное, красивыми были в молодости». Худенькие такие, стройные, миниатюрные. Особенно она – совсем как девушка: и талия на месте, и изящные округлости в полном порядке. Только волосы у обоих седые и лица как печеные яблоки.

Разместились. Смотрю, старичок то и дело вроде бы в шутку игриво так к своей старушке пристает: то прижмется к ней плечиком, то в щечку поцелует – и все это с ужимками молодого кавалера, – а потом и за пятую точку трогать стал благоверную. Старушка сначала доброжелательно относилась к притязаниям мужа, даже вроде бы с юмором, но, заметив за моей спиной детей в возрасте десяти и двенадцати лет и мой растерянно-недоуменный взгляд, стала осаждать его. Но старичок был так активен, так бурно проявлял нетерпение, что ей приходилось буквально отбиваться от посягательств его шаловливых рук. Жена укоризненно указывала глазами старику на детей и уже не деланно-сердито, а раздраженно гнала его на верхнюю полку. С большим трудом она уняла разбушевавшегося героя. А было старичкам лет по восемьдесят, никак не меньше. «Что же они выделявали, когда им было лет по двадцать-сорок? – обалдело думала я, вглядываясь в эту странную пару». Это Жанна рассказывала Ане.

Инна повернулась к Лене и зашептала:

– Ты Лину помнишь, ну ту, с экономического, которую на первом курсе жадная до скандалов вахтерша засекала поздно вечером в комнате с Жоркой. Все общежитие разбудила и на ноги подняла комиссию комсомольского актива эта селедка замороженная и не выпотрошенная. Всем косточки перемывала, жить спокойно не давала и правым, и виноватым. Хвалилась,

что выводит девчонок на чистую воду в назидание другим. Всех под одну гребенку чесала, одной метлой поганой мела. В деканатах почему зря выдавала все девичьи тайны, хотя ее туда не слишком настойчиво приглашали. А сама утверждала, что так принято и с этим приходится считаться. Я, мол, аккуратно, исправно работаю, а вы рядом живете и ничего друг про друга не знаете, словно в негласном сговоре находитесь. Гордилась тем, что доносила. Воображала, что находится у кормила власти. Считала, что на гребне новых традиций участвует в воспитании молодежи, а на самом деле удовлетворяла свои низменные потребности. Может, и с дальним прицелом действовала. Поговаривали, что метила в коменданты общежития, в начальницы рвалась, да бог рогов не дал. Было что-то постыдное в ее поведении. Мы все питали к ней изрядную неприязнь и пылко желали краха ее мечтам. Догадывалась ли она, какое впечатление производила на нас?

Девчонки все знали про Лину, сочувствовали ей, не хотели огласки ее несчастья. При-знаюсь, и я, выручая подружек, не раз раздражалась перед этой гнидой невероятно лицемерной речью, когда надо было отвлечь ее внимание. Искусно лебезила перед ней, скромно потупившись, распинаясь о ее достоинствах и заслугах. Мне кажется, неплохо играла свою роль – ни разу не рассмеялась. Слишком строгое воспитание и солидный опыт подавления эмоций в моей семье спасали меня от провала. И вдруг, представляешь, вот была она и... сплыла на радость многим.

Лене стало скучно, и она переключила внимание на Аню.

– ...Недавно пришел к нам Левушка, такой веселый, разбитной, коммуникабельный. И внешне как огурчик: молодой, прямой, свежий.

– И зеленый, – со смехом продолжила Жанна.

– Выигрышно смотрелся. А в студенческие годы ни за что не поверила бы, что он может стать одним из основателей радикально настроенного современного политического направления.

– При его-то нынешних данных он организатор уж не женского ли течения? – опять весело проехала Жанна и добавила насмешливо:

Помнится, долго сохла по нему моя подружка из технологического. Вообразила, что он олицетворяет совесть, благородство. Взметнулась их любовь яркой искрой да быстро погасла. Тусклый оказался парнишка. Без комментариев. А ты говоришь, будто основатель...

Дальше слов было вовсе не разобрать. И Лена опять повернулась к Инне.

– ...Накрыли их, взяли тепленькими. Со стыда Линахватила какой-то кислоты, сожгла себе пищевод. Меня тогда от страха за нее точно кувыркнуло через голову двойным – с подкруткой – сальто. Сама чуть в обморок ни свалилась.

В больнице врачи бедняжку еле отходили. Потом еще долго от нее не отставали... Комс-орг смотрел на Лину как поп на беса. А Жорке – ничего. Его гонения не затронули. Он, видите ли, мужчина, ему вроде бы как не возбраняются ночные бдения подобного рода. У нас, за что ни возьмись, всегда во всем женщина виновата. Идиотизм чистой воды. А сам комсорг та еще проститутка. На две семьи жил. И конечно же, Жорка не защитил Лину. Мог же сказать, что женится, что заявление подали. Соврал бы во благо. Так нет же! Подонок, падаль вонючая. Сидел, помалкивал в уголочке, пока буря не прошла. Это он не закрыл дверь на задвижку. Ты представляешь, сказал мне, что пошутил. Я ему чуть шею не намылила тогда. Ох, как я возненавидела его! Так бы и врезала. Но не знала, как Лина посмотрит на мое самоуправство. Выгнала я его из комнаты с криком: «Иди отсюда и шути с теми, кому твои шуточки нравятся». А Лине не смогла рассказать правду о Жоркином откровении. Меня итак удручали и тяготили их отношения. Я понимала Лину и жалела.

– Понять и принять всерьез такую выходку невозможно. Я бы послала такого хахала на все буквы алфавита... мысленно конечно, – сердито отреагировала на рассказ Инны Жанна. –

А если рассмотреть в этой истории точку зрения вахтерши? Вдруг сгубила бы она глупую девочку, спалось бы ей спокойно?

– Я была свидетельницей их, так называемого, романа. Три года их «дружбы» были подернуты серым тоскливым, остро-печальным флером безнадежности. Конечно, Жорка был старше Лины, после армии. Прознав ее слабые места, он подавлял ее нотациями и угрозами. Бывало, стоит с Линой: взгляд сатира, усы хищно топорщатся. Тиран, деспот, начальник, мать твою... А в ее сиротском, тусклом – мало жизни. Ей оставалось уповать только на его благодушие. Не дай бог, какой нудный был! И что за прок ему был от собственного нытья? Сам соблазнил и сам же попрекал Лину за то, что не устояла под его напором. Всяк по своему ломал нас, глупышек, влюбленных по первому разу... Издеваться над беззащитной девочкой способен только человек с недостойной, низкой душой. Насмотрелась я на таких...

Лина чувствовала себя перед ним как подсудимая перед прокурором, внимала каждому его слову. Вот так и никак не меньше! Схожие чувства к нему испытывали и другие студентки из ее группы, а попалась она. Осечка у нее вышла с Жоркой. Пользовался он ею внаглую, зная, что не рискнет она пожаловаться строгой маме. Да и папу она боялась. Он хоть и был большим начальником в ее родном городе, но хватался за ремень при малейшей провинности дочери. Ни в ком она поддержки и защиты не видела. Одна мучилась своей ошибкой, поэтому ни словом, ни жестом не выказывала своего недовольства. Я ее уговаривала: «Турни гада. Сразу опомнится и изменится в лучшую сторону. Это часто срабатывает». Не верила.

«Похоже, это тот редкий случай, когда сплетни феноменально характеризуют человека», – подумала Жанна о Георгии и спросила у Инны:

– И чем дело у них кончилось?

– Не стану тень на ясный день наводить. Куда ей было деваться беременной? Замуж за него пошла. Пришлось согласиться на его условия. Двух девочек родила. Жорка требовал третьего ребенка. Все сына хотел, а сам становился все злее. Сделался совершенно невыносимым в невозмутимой своей занудливости. Ну, просто ел ее поедом. На него порой такое находило! Непростой был характер. Не пойму, в какие игры он играл, чего добивался? Так вот смотришь иногда на человека и думаешь, зачем он пришел на эту землю? В чем видит счастье?..

А скоро в Жорке совсем не осталось ничего такого, что хотя бы отдаленно напоминало Лине нормального по ее понятиям мужа, который заслуживал бы ее любви и заботы. Доброта – слишком тяжелое бремя для того, кто вынужден проявлять ее не по велению сердца, а по необходимости. К тому же, я догадывалась, что Жорка и физически не устраивал Лину, но это она ему простила бы, просто закрыла бы глаза на этот факт, как делают большинство женщин, если их мужья более менее человечны.

Когда Лина повзрослела, поумнела, то поняла, что в их отношениях никогда не наступит надежного равновесия, что не переломить ей образовавшуюся еще до замужества унижительную ситуацию и не создать новую, совершенно не похожую на прежнюю. И еще поняла, что напрасно она держит бессмысленный караул в своей неудавшейся семейной истории, что все равно не сможет всю жизнь терпеть мужа-зануду. Не улыбалась ей такая перспектива. Да и сил уже не оставалось противодействовать унижениям и придирам человека, для которого нытье – основная форма коммуникации и в семье, и на работе.

– Мы всегда лучше понимаем то, от чего отстранены, то, что уже пережито и многократно осмысленно, – сказала Жанна.

– Ко всему этому прибавлялись еще подзуживания Жоркиной родни. Они всегда дружно держали оборону, когда он долбил Лину, переноса на нее свое раздражение от собственных многочисленных неудач на работе и в родственных коллизиях. Хитрым псом в монашеском одеянии оказался ее муженек-праведник, да только не умным. Лина сумела выбросить его из своей головы и из судьбы.

– Чем меньше он мог, тем большим занудой становился? – хихикнула Жанна. – Резонно опасаться его ревности. Встречала я подобных мужчин, когда работала в профкоме, нельзя им потакать и спуску давать. И как далеко Лина успели зайти в своих взаимоотношениях с Жоркой? До мордобоя у них дело дошло или до развода? Надолго ли ее хватило? Есть люди, вызывающие неотступное раздражение. От таких надо спасаться бегством или же быть к ним абсолютно глухими. Какую политику избрала Лина?

– Сначала старалась не обращать внимания на его бесконечные бзики, потом засомневалась в правильности своего поведения в семье. А раздражение все копилось и копилось. В общем, решила она не ждать, пока супруг совсем озверевает. Не пожелала больше осчастливливать его своими слезами, не стала, как некоторые, устраивать бурную демонстрацию своей неприязни, сама подала на развод, когда окончательно поняла, что он гробит не только ее, но и нервную систему дочерей.

По справедливому замечанию его дочек, «к этому папочкой уже давно была подготовлена почва». Лина весьма грубо выразила мне свое мнение по поводу их развода: «Совсем приперло... Вся жизнь ноги ему мыть? Накось-выкуси! Достал! Собрала его манатки – и дала под зад коленом. И, выдав порцию крепких выражений, покотился Жорка вниз, собирая штанами всевозможную грязь. Пусть один живет и радуется, пусть теперь сам себя со света сживает». Видно, крепко он ей насолил, если такая терпеливая женщина решилась спустить его с лестницы. Я считаю, что слишком строгим воспитанием родители растят девочек, привыкающих к подчинению.

– Не самая захватывающая история. Где же был его ум? Неужели, тираня жену, он надеялся на надежную железную власть домостроя, привитого ей в детстве отцом? – удивилась Жанна.

– Подобные диалектические скачки из количества в качество теперь не редкость в семейных отношениях. Жизнь, как огромный пазл: складываешь, складываешь терпеливо... А когда понимаешь, что некоторых составляющих нет и никогда не будет и что все равно ситуация тупиковая, то остается один выход, – философски осмыслила Аня ситуацию Лины.

– Толчком к решительным действиям послужило ей неприятное открытие. Раз шла она с работы, как всегда нагруженная сумками (осталось только в зубы взять), а лифт сломался. Чертыхаясь, потопала пешком на девятый этаж и на лифтовой площадке услышала пошлые откровения своего подвыпившего мужа соседу: «На женщину можно положиться, на ней все держится... Так и должно быть, пусть пашет... Но не отдавать же ей еще и главную роль в семье! Она обязана довольствоваться положением служанки...» Ну и все в таком же духе. Лина как фурия взвилась: «Он еще и издевается?! Ну, погоди, гаденыш!!» И в два счета выставила мужа за дверь.

За суетой, за заботами о семье некогда ей было раньше задуматься о необходимости жить с таким мужем, а тут вдруг реально увидела в мрачном свете всю свою судьбу с ним и не захотела своим здоровьем и в дальнейшем оплачивать его занудство и непорядочность. К тому же осознала, что и как муж, и как добытчик он оставляет желать лучшего. И сносным отцом его можно было назвать с большой-большой натяжкой. Дочки боялись его. Ее в НИИ ценили как специалиста и выдвинули на руководящую работу. Не ему, а ей дали квартиру.

– Этот раунд Жорка проиграл. Не запил? Ведь подобные события имеют последствия иногда даже весьма неожиданные, – усмехнулась Жанна.

– Жорка слишком любит себя, чтобы спиваться. Сначала до одури играл в карты, потом пристроился было к какой-то вдовушке, но та достаточно быстро разобралась в не очень радостных перспективах их сожительства и предпочла одиночество немотивированному агрессивному занудству. И вот, когда ему некого стало доводить до белого каления, разве что самого себя, тут-то, я думаю, он впервые задумался и оценил достоинства своей первой жены... и неожиданно замолк. Я не могла выдавить из него ни единого слова, как ни одной капли из

выжатого почти досуха, выкрученного жгутом полотенца. Что его торкнуло в голову? Может, мгновенно всю свою жизнь переосмыслил в сорок лет?

– А попроситься к жене назад мужская гордость не позволила? – ехидно спросила Жанна.

– Понял, что поезд его ушел.

– А Лина больше не вышла замуж? Думаю после такого муженька ей хотелось отдохнуть, но любить и быть любимой вопреки всему своему печальному опыту у нее, наверное, все равно желание было? Продолжала мечтать о счастье?

– Только не с Жоркой.

– А вдруг, если бы они сошлись, им удалось многое забыть из своей прошлой жизни и начать все сначала? Я знаю такие примеры, – оптимистично заявила Жанна.

– Ой, сомневаюсь я в таком счастье. Хочешь-не хочешь, но обиды все равно выплывали бы и мучили. Такая жизнь, прежде всего, потребовала бы от Жорки огромного терпения и такта, а где он их мог взять, если у него и по молодости таковых не наблюдалось? Говорят, примостился и пригрелся Жорка у какой-то женщины лет под шестьдесят. Она его обиходила. А как он теперь живет, я не знаю, – ответила Инна.

«И у Зои муженек не слаще, – подумала Аня. – Когда я летом была у них в гостях, Дмитрий такой сыр-бор из-за ерунды поднял! Зоя при мне дала ему какую-то справку в синем полиэтиленовом пакетике, а когда он вернулся из конторы, то сунул ей в руки голубой бахил, мол, убери документ на место. Зоя держит бахил в руках и не может ничего понять. Затем справку в нем обнаружила. Естественно, спросила у мужа, как она туда попала. Дмитрий разорался, мол, сама засунула, а с меня спрашиваешь. Зоя ответила, что он сам ей только что ее отдал. Дмитрий раскричался, стал обвинять Зою в предвзятости, в недоверии, в плохом характере и еще много в чем, не имеющем никакого отношения к мелкому случаю происшедшему на моих глазах. А Зоя, обращаясь ко мне, спокойно сказала, что она вот уж пятнадцать лет держит эту важную справку в ярко синем пакете, чтобы долго не искать среди массы прочих документов. А еще добавила, что ей в голову не могло прийти положить документ в бахил, который можно случайно выбросить как не имеющий пары, потому что маленькую по размеру справку в нем не разглядеть, и что вообще всё это как-то нелепо... «Может, ты пошутил? – спросила Зоя. – Где ты отыскал этот чертов бахил?»

Дмитрий не принял смягчающего предложения и, не стесняясь меня, продолжал кричать и обзывать. Зоя долго не обращала внимания на выступления мужа, но ей было неловко передо мной и она не выдержала: «Тебе не приходит в голову, что ты тоже можешь ошибаться, идеальный ты мой?» Ее заявление было встречено бурей негодования. И тут она вовсе разозлилась. «Почему я всегда виновата во всех глупостях, которые ты совершаешь? Уйди, не заводь меня из-за ерунды! Я же больной человек», – в бессильном гневе закричала она. Чем закончилась их разминка? Дмитрий оделся и выскочил на улицу. И слава Богу. Мне от его криков буквально дурно становилось. «Получается, что в состоянии раздражения или малейшего гнева Дмитрий ведет неадекватно, так, словно не контролирует себя? И когда его хвалят, у него перекрывается канал рационального мышления. А вдруг это болезнь? – подумала я тогда. – А может, все-таки дурной характер, распушенность?»

А перед сном у них еще одна вспышка произошла. Зоя к вечеру очень уставала, поэтому в основном лежа смотрела телевизор или читала. Но раз я приехала, она мне уделяла внимание, разговором развлекала. Дмитрий подошел к спальне, где мы «заседали», и что-то спросил. Зоя ответила, что не услышала. Муж опять что-то спросил. Зоя снова ответила, что не поняла его. Но когда муж третий раз что-то сказал из-за полуприкрытой двери, она взорвалась: «Я же только вчера тебя просила, разговаривая, смотреть на собеседника. И ведь не первый раз об этом говорю... Неужели тебе трудно подойти поближе, чтобы быть услышанным? Ждал, чтобы я встала с постели? Но мне вечером, даже лишний раз повернуться трудно».

Крик, обвинения. Я так и не поняла в чем. Упреки в том, что его ненавидят... Французский пастор когда-то изрек, что взрослых людей не бывает. Дмитрий в душе ребенок? Но какой капризный и жестокий! Таких наказывают. Мне хотелось его ехидно спросить: «А ты не замечаешь просьб жены и хамишь потому что очень ее любишь? Поэтому переиначиваешь ее слова? Ты не понимаешь, что ее нервы и болезни – следствие твоего ужасно эгоистичного поведения?» Но я только попросила его успокоиться. Не прислушался. Насмешливо воскликнул: «Всенепрременно!» Ночь прошла бестолково: лекарства, наши с Зоей попытки заснуть... А Дмитрий спал в своей комнате как младенец.

Утром я сказала Зое: «Взрываться из-за таких мелочей? Словами выразить свои чувства во всей полноте у меня не получится. Впрочем, я знаю очень даже талантливых людей, которых я не уважаю из-за их «нечеловеческих», качеств. Я и рядом с ними бы не села... Ждешь от любимого мужских поступков, а он тебе – беспощадную истерику. Если человек не способен на самоконтроль, толку от него в семье мало. А если он еще и нарочно издевается... Дмитрий хочет выглядеть ничтожным, не соответствующим высокому человеческому? Он не понимает, что такое достоинство?»

«Как и его мать», – грустно усмехнулась Зоя.

«Как можно оскорблять, совершенно не думая о последствиях? Он не сомневается в себе? По моим понятиям человек сомневающийся – нормальный, а вот если нет... Не зря Инна говорит о Дмитрие, что у него нейроны в голове сумбурно перемешаны, что они не в ладах...»

У всего есть своя цена, только не все ее платят... Бабушка мне в детстве говорила: «Не прячься от врага в яме. Беги. На просторе ты можешь надеяться на силу своих ног, а в яме, в этой ловушке, только на Бога. А он не всегда всюду успевает...»

А что после завтрака произошло? Желая смягчить натянутость, напряжение, возникшее между супругами еще с вечера, я затеяла разговор о предстоящем праздновании Нового года. Я спросила Дмитрия о его планах, а он, совершенно неожиданно для меня, взорвался: «Я не хочу созывать гостей, я вообще не хочу его отмечать. Это не праздник!» «Не хочешь и не надо, – спокойно сказала Зоя. – А день рождения тебе устроим? Юбилей все-таки». «Зачем? Юбилей – это репетиции поминок», – резко отреагировал Дмитрий. «Ну, а мне на восьмое марта придумаешь что-нибудь особенное, интересное, приятное?» «На работе я устраивал праздники, потому что обязан был», – ответил Зоин муж. «Но ты же организовывал встречи одноклассников, сокурсников, и принимал в них не только деятельное материальное участие. Сокурсницы были от тебя в восторге. Почему же для семьи ты не хочешь сделать что-то приятное? Ты отказываешься идти в театр, в ресторан. На мне экономишь? Ты парадоксально непредсказуемый человек. Я считала, что мужу должно быть приятно, если о нем заботятся и ему самому должно доставлять удовольствие делать что-то хорошее близким. А тебе нравится радовать только чужих людей ради их похвалы? Никак не ожидала что ты так странно воспримешь просьбу встретить праздники не буднично, а как-то по особенному радостно. Я же не требую вложений в праздник, каких-то подарков. Я была бы не против побродить с тобой часок-другой по зимнему лесу или хотя бы по большому парку, как мы с тобой когда-то гуляли на религиозный праздник «Вербное». В юности и в старости радуют даже мелочи. Ты же ездешь на рыбалку, почему бы и жене не устроить поход на природу?»

Начались крики, упреки. «Вот тебе и утонченная изысканная деликатность мужчины. У него духовная жестокость? – подумала я тогда о Дмитрие. – Как, живя в такой ядовитой среде, женской душе сохранить в себе акварельные качества души: нежную волнующую трепетность, незабываемую головокружительность, легкое дыхание?... А когда-то Зоя говорила: «В обертонах Митинога голоса есть что-то мне очень близкое. Не зная его, я бы...» Может, и правда женщины воспринимают любимых через голос, а мужчины глазами? Но надежные ли это средства познания человека?»

Истинное мужество жить, зная о своей жизни всю правду, зная, что во многом проигрываешь.

Мне почему-то вспомнились вопросы моей бывшей подопечной, во время просмотра фильма «Любовь под дождем». «С мужем не может быть такого интересного отпуска? Свежесть чувств возникает только с чужим человеком, с любовником?» Мы с выпускницей детдома тогда пили чай и долго беседовали «о жизни». Я ей рассказывала о своих подругах и их мужьях. И про Зою, про то как она говорила мужу: «Назови своих демонов по имени и они исчезнут». Но он не признавал своих ошибок. А потом я размышляла: «Какое отношение имеют вопросы этой детдомовской девочки к Дмитрию? Сокурсницы не любовницы, но почему он к ним относится уважительнее, чем к жене?» Этого я до конца не понимала.

Через два дня, провожая меня, Зоя вздыхала: «Злость, даже минутная, разрушает. Я не хочу конфликтов и пытаюсь от них защититься. Но мне все труднее бороться с мужем. И от себя я устаю. А главное, я чувствую, что дистанция между нами с годами все увеличивается, а те редкие дорогие моменты душевной близости, что возникали когда-то в молодости, будто удаляются, словно кто-то по-прежнему нас разделяет. И на сердце у меня никому неприметные слезы, потому что единство душ и душевная щедрость намного сильнее единства умов и интеллектов... И когда фильмы смотрю, своя история все время всплывает, мучает... А раньше мне казалось, что шестьдесят-семьдесят лет – десерт жизни, когда супругам комфортно вместе, когда они могут жить, понимая и ценя друг друга, как хорошие друзья. Но оказывается, даже прошлое присутствие посторонней женщины в семье сквозняком не выветрится. И я все чаще проговариваю внутри себя когда-то глубоко меня тронувшие строки: «Когда дряхлеющие силы нам начинают изменять...»

Чтобы как-то развеять настроение подруги, я пошутила: «Может, мы слишком много требуем от жизни?» Инна как-то рассказывала о своих деревенских соседях: «Он на нее матом. Она в ответ тоже. И продолжают вместе возиться по хозяйству. А вечером сидят на крыльце и дружно орут «Ой цветет калина». И дети рядом веселые, грязные, сопливые. Как кутята. И все счастливы!»

У Зои улыбнуться не получилось.

А в мой первый приезд Дмитрий вообще вел себя несуразно. Скрылся из дома, никому не сказав ни слова, а вернувшись, стал корчить из себя то ли полного дурака, то ли наивного простака. Мол, соседка-врач попросила меня починить кроватку сына ее разведенной сестры. «А почему тайком уехал? Понимал, что ведешь себя предосудительно?» – спросила Зоя. «Какая мелочь! Помог человеку! Соседка меня не раз приглашала к себе давление померять, сердце прослушать», – ответил Дмитрий. «А тебе не приходило в голову, почему из десяти мужчин, проживающих на нашем этаже она заботится только о твоём здоровье? Она уже всех «прощупала» и пришла к выводу, что только тебя сумеет оторвать от семьи и пристроить к своей младшей сестре, потому что ты легко «покупаешься» и продаешься за комплементы». «Не выдумывай! – возмутился Дмитрий. – Она радостно поблагодарила меня, угостила домашним вином и пригласила в воскресенье покататься на лыжах. У них такие прекрасные горки!» «И ты поедешь?» «А почему бы и нет?» – вполне искренне удивился Дмитрий. Мы переглянулись с Зоей и она спросила: «Одного пригласила? А меня? А наших детей? Я никак не могу уговорить тебя покататься на лыжах с сыном, хотя врач настаивал на их лечебном свойстве, а с чужим ребенком ты почему-то мгновенно согласился провести выходной». И конечно же, Дмитрий стал упрекать Зою в предвзятости к соседке, в жесткости, в нелюбви к людям и еще многое в чем...

Зоя мне писала, что почти год объясняла мужу, «что такое хорошо и что такое плохо», предлагала представить картину, в которой она одна ходит помогать какому-либо разведенному мужчине, развлекается с ним... А я напомнила ей, как ее свекровь отправляла своего сына помогать дочкам своих подруг, в надежде, что какая-нибудь воспользуется ситуацией и разведет вас...

А еще Зоя сообщала, что когда через несколько лет соседка-врач переезжала в другой район города, то при последней встрече около лифта она, опустив глаза к полу, извинилась за попытку переманить ее мужа, для своей любимой сестренки. Надо же, видно мучала ее совесть! Но когда Зоя передала слова соседки Дмитрию, он сделал вид что не поверил, сказал, что она сама их придумала. И как с таким придурком можно жить?

Не потеряла еще Зоя способности шутить. Недавно сказала по телефону: «...Как узнали Митины бывшие, что болею я часто, так сразу в очередь встали. Боюсь, передерутся из-за него. Они не понимают, что хорош он был для них, пока гулял, а женившись, сразу превратится в тирана». «Ты их не боишься?» – спросила я. «Я в конкурсе не участвую. Они меня уже списали», – рассмеялась Зоя. «А как ты узнала про «конкурс старух-невест?» – поинтересовалась я. «Я всегда чувствовала, что Митя поддерживает с ними связь. Как-то решила проверить свою догадку про одну из них, самую хитрую и настырную, старым испытанным веками способом. Запустила через ее знакомую так называемую «утку», заведомую ложь, которая может очень заинтересовать или взволновать «испытуемую» и проследила реакцию мужа на нее. Результат не замедлил сказаться. Для верности я трижды провела эксперимент. Мы же физики – рассмеялась Зоя. – Потом начала отслеживать телефонные звонки. Есть осторожная особа, с которой он разговаривает вне дома или когда меня рядом нет. С другими он начинает громко беседовать будто бы о работе, советы дает деловым тоном, а потом незаметно переходит на шепот и они томными голосами делают друг другу намеки, вспоминают прошлое, расспрашивают о настоящем, что-то предполагают на будущее». «Ты догадываешься о чем они говорят?» – удивилась я. «Зачем мне фантазировать? Я их слушаю», – усмехнулась Зоя. «Но ведь неприлично...» – растерялась я. «Мы с Митей так играем. Он, когда хочет поболтать, прячет переносную трубку в своей комнате, а я прихожу по какому-нибудь делу, допустим цветы полить, и нахожу ее. Иногда муж, почувствовав что его прослушивают, начинает намекать собеседницам, об осторожности. Они не всегда понимают. Спектакль да и только. Сначала я очень переживала, а теперь эти телефонные звонки превратились для меня в развлечение. Мне интересно их изучать, анализировать: где подстава, а где правда. То еще шоу!

Я всегда чувствую, когда муж уходит на кратковременную встречу где-нибудь у магазина, и я оцениваю ее результат по его настроению. Иногда он врёт, что был на рыбалке. С нее он всегда возвращается с красным лицом. А если с бледным, значит, что-то чинил в чужой квартире. Может, бачек в туалете. Как-то пошли с Митей на выставку картин его товарища, так одна из них и там устроила свидание. Я это почувствовала по слишком заботливому отношению мужа. Он даже шикарный комплемент мне «отстегнул». Вот я и насторожилась». «И ты так спокойно об этом говоришь?» – воскликнула я. «Хочу еще хоть немного пожить и чем-то помочь внукам, и это для меня сейчас самое главное. А эти шлюшки пусть хоть перебесятся!»

Как я понимаю Зоиного мужа? Любовь – это открытость, это внутренняя незащищенность. Вот откуда Зоина беззащитность перед мужем. На открытость любящие отвечают открытостью. Даже в жертвенности может присутствовать поза, не зависящая от того, что есть в человеке внутри, а в открытости ее нет. А в Дмитриии нет этой открытости. Он не умеет любить, он только влюблялся. Эти влюбленности присутствовали в нем как что-то отдельное, разовое, подобное случке. То с одной, то с другой, то опять с этой же... Искушение его съедало, а ему нечего было противопоставить из того, что есть в нормальном человеке: ни терпение, ни поря-

дочность, ни чувство долга. Вот и выстраивал он сценарий своей жизни на кратковременных порочных связях.

У Дмитрия внутри себя нет праздника, нет радости. В его душе не происходит морального и духовного накопления, наполнения. Она как голые скользкие холодные стены подвала. Он не может и не хочет развивать в себе способности к заботливости, к раскаянию и прощению, потому что любит только себя. И по этой же причине он не меняется. Любить, значит отдавать, а Дмитрий в семье только потребитель, духовный монстр. Для других он излучает, поглощенную им от близких положительную энергию, чтобы казаться им хорошим и получать для себя удовольствие и радость. Он всюду в плюсах! Его характер и поведение нельзя рассматривать через призму стереотипов. Но в данном случае это далеко ему не комплемент.

Дмитрий замечает только легкое, красивое, радостное, не требующее приложения сил. Бороться с трудностями он предоставляет другим. Он считает, что живет с размахом, полной, насыщенной интересной жизнью! «Он счастлив! У него природный «космический» магнетизм! (Внешняя значительность не обусловленная и не подтвержденная значимостью?) И пусть он с годами не меркнет и не тускнеет! Перестройка слегка поубавила пыл, потрепала имидж, но он возродился. Его история не из числа святочных рассказов, он сам добился! И это правда. А семья? Затертое понятие... У них свои мелкие проблемы, они его не касаются». Это Зоя считала, что семья, дети – главная золотая награда жизни.

Может, я ошибаюсь насчет Дмитрия. Я снова попала в сеть своих сомнений? «Не приговаривай никого и ни к чему?» Но я его так вижу», – усмехнулась Аня.

Услышав слова Жанны, Аня «пришла в чувство».

– ...Железной рукой человека к счастью не приведешь.

– А людей можно, – рассмеялась Инна. – Вспомни послевоенные успехи, космос.

– Без нее мы достигли бы еще большего, – горячо возразила Аня.

– ...Анюта, ты у нас специалист-теоретик по особо важным душевным делам? Каждой женщине хотелось бы рассказывать о своем муже, расцветая, мол... у него подвижный гибкий ум, он благородный, добрый... Откуда у многих мужчин неисцелимое желание обладать и жестоко подчинять себе даже в мелочах? – задала Жанна риторический вопрос, вернув подруг к больной теме. – Я понимаю, что справедливость в мире никогда не восторжествует, потому что материальное побеждает все доброе. Я знаю, что справедливость – это не «всем сестрам по серьгам». Но мы же все равно хотим остаться людьми. Мы верим, что люди в целом достаточно порядочные, не склонные к предательству и стоят на страже социальных норм. Мне кажется, человек без понятия справедливости лишается света в душе.

Я уже внуков имею, но меня до сих пор тревожит еще один неразрешимый вопрос, – без плавного перехода затронула Жанна другую животрепещущую тему. – Я не раз задумывалась над тем, как сделать, чтобы отношения между молодыми людьми подольше оставались платоническими, даже при излишней нетерпеливости возлюбленного, когда он не находит в себе силы притвориться равнодушным в ожидании того момента, когда получит все, что хочет. Как заставить молодого человека ослабить постоянные натиски? Мне было проще, мой Коля не был настырным.

Аня откликнулась:

– Я долго думала над этой проблемой, много читала и пришла к вполне разумной теории. Если девушка поняла, что ее любовь и внимание представляют для любимого большую ценность, то она должна хоть на время разлучиться с ним. А когда разлука для него станет непереносимой и он будет готов пойти на любые уступки, вот тогда она должна выставить свое условие: их отношения до свадьбы должны быть платоническими. Дело в том, что во время разлуки влюбленный забывает думать о физическом обладании. Эти его потребности уступают

место более мучительным страстям – душевным. Он мается, страдает, боится потерять любимую. Так он учится получать удовольствие в дружеских словах, в обещании просто побыть рядом. Он пугается ее отчужденного взгляда, боится больше не увидеть ее. Временная разлука – это с ее стороны легкое, но необходимое кокетство. Если одного раза мало, можно повторить «обучение» терпению, только на более короткое время. И девушка при этом четче осознает, что не стоит переходить черту недозволенного. Она поймет, что ничего не отдавая, она получит гораздо больше, чем получила бы, не устояв. Вот так молодой человек учится платонической, бестелесной любви высшего порядка и терпению. Он приходит к вере в добродетель своего объекта обожания и ему хватает чувствовать себя любимым и любящим.

Жанна внимательно выслушала Аню и вновь обратилась к прерванному разговору с Инной.

– ...Лину и в перестройку не списали со счетов. Она до сих пор работает экономистом, правда на полставки, потому что устает, болеть часто стала. Так ее по телефону бомбят, просят помочь, хотя бы консультациями. И все же, несмотря на собственную успешность, ее до сих пор волнует трудная проблема – как научиться уже в юном возрасте бороться с губительной неуверенностью, чтобы оказывать хотя бы минимальное сопротивление сначала давлению родителей, потом любимому мужчине, не утрачивая при этом доброты, любви и обожания. О судьбе внучек беспокоится, – неторопливо рассказывала Инна. – Мама у Лины еще жива. После смерти отца она ее к себе взяла. Думала, будет жить возле нее, отогреваться душой. Говорила нам, что мама хотела ей лучшую, чем сама имела, долю, что грустно-безнадежная жизнь с мужем в качестве бесплатной домработницы изнурила, измучила ее. И от одной только мысли, что она своей любовью поможет маме забыть прошлое, Лина чувствовала радость.

Ее мама очень болеет. Собрала к старости целую коллекцию чудачеств, страстишек и страхов. Первые годы совместной жизни мать как ангел тиха была, но теперь Лине с трудом удается запускать ее напрочь разлаженный механизм памяти. Такую ахинею несет – и ведь ни слова правды! – хоть из дому беги. То обвиняет, то угрожает, а то убегает неизвестно куда, всех на уши ставит. Такая вот трясина старческого маразма. Достается Лине. Но тут-то старушка хоть не понимает, что творит... Говорят, одиночество много страшнее. Но это кому как. Например, мне оно предпочтительнее. С возрастом я стала удаляться от больших и шумных компаний. Они утомляют меня. Все мы рождаемся и умираем одинокими.

...А у современной молодежи дефицит общения. Они с компьютерами больше «беседуют». Это драма. Как-то наблюдала пару на свидании. Сидят на лавочке, букет цветов между ними... и каждый в свой планшет смотрит. Это гуманитарная катастрофа! А когда они думают, рассуждают? – на минуту отвлеклась Инна от линии своего рассказа Инна. – Старость – это когда еще чего-то хочешь, но мало что можешь. Это второе детство, только, по большей части, менее счастливое. Мучается Лина с матерью, но терпит, жалеет – родная ведь. Может, еще и потому, что свою девяностолетнюю бабушку вспоминает. Ездили мы как-то в молодые годы к ней в дальнюю деревеньку. Меня там ошеломило вселенское сосредоточие человеческих горестей. В первый момент все чувства мои превратились в полную растерянность, потом ничего, пришла в себя... И вот будто до сих пор болтаются перед моими глазами многолетние, заскорузлые, пыльные полосы когда-то липкой бумаги, осыпанные засушенными мухами, полгода неметеные полы, пустые полки кухонного шкафа, твердый как камень кусок хлеба на столе и другой, размоченный в кружке с водой...

Помню, старушка кусочек селедки запросила, мол, все картошка да картошка пресная. К колбасе не притронулась. Старшей дочке с зятем попросила завезти. Линочку все нахваливала, что не забывает внученька, хоть у самой концы с концами не всегда сходятся да связываются... А той в глаза бабушке стыдно было смотреть. Такая вот жизнь... Трудная-то она трудная, но не

в том дело... Видно это горькое воспоминание глубоко запало в ее сердце... С кем-то можно позволять себе такое, а с кем-то и нет, – буркнула Инна и настроила свои ушки-ловушки на прием.

– Кто-то может позволять себе такое, а кто-то нет, – сказала Аня и отвернулась.

Жанна заглянула через плечо той, кому принадлежали эти неожиданно резкие слова, и увидела на ее коленях фото мамы Инны.

А Лена дочь своей подруги вспомнила. Александре за сорок, но ей еще больше требуется любви и внимания близких, потому что нет ни мужа, ни любимого человека. А мать больная, у нее не хватает добрых эмоций даже на себя. Ее бы кто поддержал. Да и не умеет она внешне выражать свои эмоции. Сама любви в семье не знала. И вот живут два одиноких человека порознь, потому что вместе не получается.

Соседи

Грохот над головой испугал женщин.

– Не волнуйтесь, опять соседи резвятся, – сказала Кира, войдя в комнату к подругам. – Сейчас весь дом переполошат. Постоянно причиняют беспокойство. С ними не соскучишься, «веселые» они у нас. То отец семейства пьяный вломится к нам, то его разудалая супруга ор устроит на пустом месте. Первое время жена мужа сдерживала, теперь вместе пьют, куражатся и хулиганят. Иногда мне кажется, что мы живем в многоквартирных домах для того, чтобы служить развлечением соседям, – спокойно, с долей иронии в голосе объяснила Кира.

Шум повторился. В приотворенную входную дверь просунулась взлохмаченная голова. Лена разглядела невыразительные как бы стертые черты лица пьяной женщины. Слава надел халат и вышел в общий коридор. Там он уверенным тоном человека, обладающего влиянием, произнес:

– Кто сотворил с вами такое?..

Больше Лена ничего не слышала. Дальнейший разговор происходил на чужой территории.

А Кира продолжила:

– Не далее как в среду, иду из магазина, настроение хорошее, потому что погода тихая, морозная. Только на первую ступеньку крыльца поднялась, чуть не сшибла меня с ног соседка, что над нами живет. Не физически, нет, криком своим гортанным. Глаза выпучены, лицо исказилось от безудержной ярости, покраснело, раздулось. Кулаками машет перед моим носом, танком прет, слюной брызжет, захлебывающейся скороговоркой выстреливает ругательства, оглашает дом пронзительными криками, сопровождая их пошлой разнузданной жестикуляцией. Грубость ее была сколь невоздержанная, столь и показная. Мол, знай наших. На испуг брала. Сынок-верзила рядом с мамашей стоял довольный, ухмылялся, переминался с ноги на ногу. Опешила я, отступила, не понимая, за что наскакивает и проклятья изрыгает.

«Надоели, – кричит, – замучили, весь дом от вас дрожит, никому покоя нет! Мы доберемся до вас, выселим из квартиры! Шумите тут целыми днями». И через каждое слово «образные выражения» вставляет.

«Телевизор наш вам мешает? Так после одиннадцати часов вечера я всегда звук на шепот перевожу», – растерянно оправдываюсь я.

«Причем здесь телевизор? У вас целыми днями что-то гудит и визжит!»

«Нечему у нас гудеть. Ремонт мы уж двенадцать лет не делали. Вы нас с кем-то путаете. Гул дрели я тоже каждый день слышу. А вчера в какую-то квартиру мешки с цементом носили, вот с них и спрашивайте тишины», – возражаю я сердито.

Проклятья продолжались до тех пор, пока за мной не закрылись двери лифта.

«Институт закончила. Знания, может, и получила, да только воспитанности от этого не прибавилось. Пришла бы ко мне в квартиру, поговорили бы по-хорошему, все выяснили, чаю

попили, а то сразу оскорблять, унижать, нервировать. Почему она всегда готова поверить в самое худшее в человеке? Откуда в ней столько подозрительности и изобретательного коварства? – думала я грустно, рассовывая продукты по полкам холодильника. – А я еще ей сочувствовала, когда перестройка загнала ее торговать на рынок. Да видно место ей там: обвешивать, хитрить, грубить, нагло глядя в глаза».

– Простота и доверчивость – синонимы наивности и глупости. Миром правят лжецы и циники, – пробурчала Инна себе под нос.

– А как-то один из жильцов лак пролил. Я субботу и воскресенье задыхалась от вони – у меня же аллергия, – металась на диване, не зная, чем спастись от назойливого, въедливого запаха, с трудом перемещалась по квартире, мучаясь тошнотой и рвотой. Так посыпались на мою большую голову непрерывные телефонные звонки с угрозами и требованиями прекратить «химичить» и «ставить над людьми опыты». А на дверь нашей квартиры соседи прикрепили плакат с угрозами. Я плакат сняла и на его место повесила записку о том, что очень страдаю даже от запахов на кухне, поэтому не только не провожу опытов, но даже не каждый день готовлю пищу, по причине плохого самочувствия. Оставили меня в покое.

А что творилось, когда в доме телевизоры начинали плохо показывать! И депутату на нас клеюзы писали, и в ЖЭК, и в городской Совет звонили. По их мнению, виной всему был наш компьютер. Он, видите ли, портит изображение. Мы «пострадавшим от современной техники» демонстрировали отсутствие влияния работы нашего компьютера на качество телепередач и телеантенну себе отдельную на крыше поставили, чтобы хоть чем-то успокоить соседей, – не помогало.

Я удивлялась: ведь не только у нас в доме компьютер, почему к нам привязались? «Умные вы больно», – был мне ответ. «Умные не позволяют делать глупости и портить отношения с соседями. Ищите того, кто, возможно, по незнанию, совершает противоправные действия», – посоветовала я.

А хорошей соседке шепнула: «Ну, если они в чем-то не разбираются, зашли бы к нам за консультацией. Посоветуй, как нам объяснить им, что дураков следует опасаться, а не умных». С невежественными людьми не получается разговаривать, прибегая к доводам разума, по справедливости; они зачастую встают не столько против причиняемого им зла, сколько против добра, которое им хотят сделать. А ведь еще философ Кант говорил, что умный человек не совершает плохие поступки потому, что оставаясь наедине с собой, не хочет оказаться рядом с подлецом. Что-то типа того.

Маты и угрозы продолжались полгода. Антенну нашу ломали, телевизионный кабель срезают. Комиссии многократно обследовали дом. Выяснили причину, нашли виновника. Им оказался ребенок наших шумных соседей, который в отсутствие родителей «скачивал» фильмы из телевизора в свой компьютер. Но никто из жильцов и не подумал извиниться перед нами. Что бы в доме ни происходило плохого или непонятного, и по сей день первым делом соседи ополчаются против нас. И откуда такое неприятие к образованным?

Никто не посочувствовал нам, когда и первые, и вторые жильцы, те, что над нами, делая ремонты, постоянно заливали нашу квартиру так, что мы уже перестали замечать желтые полосы на потолке между перекрытиями. Они и до сих пор продолжают «полоскать» нас после очередных бурных возлияний. Что хотят, то и творят, и управы на них нет никакой.

На каждый роток не набросишь платок, особенно, если этот рот принадлежит безбашенной голове. Я больной человек, но не бросаюсь на каждого. Понимаю, что жильцы обязаны содержать квартиры в хорошем состоянии, а для этого желательно раз в пять лет, если средства позволяют, делать косметический ремонт, главное, работу выполнять в установленное законом время. Я стойко и спокойно терплю шум, раз живу в городе, в многоэтажном доме. А как же иначе? «Возлюби ближнего своего как себя самого» касается всех, даже неверующих.

Дырявая память у наших соседей на добрые дела. Муж в молодые годы многим бесплатно чинил телевизоры. Некоторые, правда, водку предлагали. Но он и слышать о ней не хотел. Отщучивался – не пью, не враг себе. Уважаемым был, пока чинил? Нет. Факты ставят в тупик. Теперь вот наш сын им компьютеры настраивает и ремонтирует. Наверное, думаете, критикуя, я становлюсь мелочной?

Тема была подхвачена. У каждой из женщин нашлось, что вспомнить.

– Вот заведется в доме одна пакостная тетка, и всех баламутит, натравливая соседей друг на друга. Житья от нее никому нет. И у нас такая есть. Как увидит, что кто-то с кем-то мило беседует, в тот же день какую-нибудь гадость скажет одному про другого и тот начинает шарахаться от соседа. Хобби у нее такое. И ведь инженером работала до пенсии. Сочувствую ее бывшим коллегам.

И мне не раз от нее доставалось. То с соседями по этажу рассорит, то дворничихе «напоет», что я ей работы прибавляю, хотя все как раз наоборот. То принялась уговаривать мою семью деревья спилить, чтобы они цветочкам на клумбе свет не заслоняли. Думала, что мы глупее ее и не знаем о штрафах за незаконное уничтожение зеленых насаждений. А когда при ремонте теплотрассы рабочие спилили три тополя, она стала утверждать, что это я лишила наш дом красоты.

Тополя я, конечно, не спиливала, а вот по поводу странного способа ремонта прорывов труб с мастером беседовала. За шесть лет существования моего палисадника его трижды «с лица земли» стирали ковши ремонтной бригады. Длина цветника восемь метров. Так вот, когда впервые произошла протечка, я попросила главного специалиста, проложить новые трубы по всей длине цветника, чтобы им больше не пришлось его разрывать, тем более, что эти трубы уже прослужили срок вдвое больше положенного. Только разве он, мужчина, станет слушать женщину с высшим техническим образованием! Мы, мол, сами с усами...

Ну так вот про соседку. И чего привязалась? Я ее никогда не трогала, даже имени не знала, пока сама случайно рано утром, сидя на балконе, – не спалось мне, – ни услышала, как она порочит меня перед моей знакомой. Такие гадкие слова употребляла, что у меня мороз по коже пробирал. Думала, без свидетелей обгаживает, один на один. А когда на лавочке ведет беседы в компании пенсионерок, всегда такая умная, воспитанная, культурная. Плохого о ней не подумаешь. А на самом деле стерва, змея подколотная, – пожаловалась Жанна.

– Я тоже иногда встречаюсь с непониманием и даже противостоянием в отношениях с некоторыми соседями, – вздохнула Аня. – Например, надоел мне пыльный бурьян, растущий перед нашим домом, так я взялась за обустройство участка.

Четвертый год занимаюсь палисадником, но пока плохо получается. Участок не огорожен и люди не считают нужным обходить клумбу, идут напрямик, ломая и затаптывая не только цветы, но и молодые кусты. Машины ставят, не замечая зеленых насаждений. Иногда утром гляну – опять на свежевскопанной земле четкий след автомобильного колеса. Видно, разворачиваясь, не вписался шофер в предназначенное для машин пространство.

Но больше всего меня расстраивают кучи окурков, которые я нахожу по утрам в цветочных лунках. Сначала предположила, что это ночные проделки молодежи, которая, развлекаясь возле нашего дома, оставляет горы пустых бутылок и разного мусора. Но как-то рыхлю я землю после дождя, как всегда выбираю окурки и вдруг вижу свежий, еще дымящийся. Поднимаю глаза и еле уворачиваюсь от следующего, тлеющего, летящего с балкона прямо мне на голову. Успела заметить мужчину со злорадным взглядом, быстрой тенью скрывшегося за шторой. И сынок его по-лакейски засеменил за ним.

Напакостил папочка тетке? Зато какое удовольствие получил бывший простой советский человек! Теперь долго будет с удовольствием смаковать. И ведь не вздрючишь... Скажет: «Ну и чапай на хрен отсель, куда хошь, коли не нравимся. Не держим в нашем доме». Пробовала бороться. Только доказала свою нежизнеспособность, когда слушала вот такого же... в некой

стыдливой растерянности... А потом, глядишь, годок-другой – и «достойная смена» подрастет. Не даст и этот обалдуй тетке, то бишь мне, скучать... В каждом из нас много чего и хорошего, и плохого. Но ведь всем надо понемногу, по каплям избавляться от гадкого в себе, правда же?

А один жилец нашего дома посочувствовал мне: «И зачем тебе это надо? Больная, инвалид, лежала бы себе на диванчике, книжки почитывала, а ты из последних сил стараешься. Не оценят, не похвалят». Обидно, и он меня не одобрил, хотя хороший человек, ямки мне помогал копать. Выходит, что и в его глазах я выгляжу женщиной со странностями. Разве ему не хочется красоты? Только на своем огороде? Для себя?

Пожаловалась подруге-психологу на свои трудности в общении с некоторыми соседями, а она грустно усмехнулась: «Есть такая категория людей, которым доставляет радость издеваться над человеком, особенно, если он до пенсии был уважаемым. Они, таким образом, возвышаются в своих глазах. Вот, мол, мы какие умные да хитрые, заставляем бывшую начальницу выгребать за собой окурки. И это мнимое чувство гордости, превосходства и восхищения собой перекрывают все другие чувства, какие могли бы возникнуть у культурного человека, но никогда не появятся у невоспитанного».

Еще одна соседка с наслаждением сообщает дурные новости. Конечно, потом выясняется, что они были ошибочны, но дело-то уже сделано, человек разволновался. А сколько неприятностей мне доставляет неуклонно растущее кошачье семейство, происшедшее от одной прародительницы. У соседей теперь спонтанно образовалось что-то вроде клуба по интересам. Собирают кошек со всей округи и кормят. Я понимаю, при отсутствии внуков им, одиноким, необходимо на кого-то растрчивать неизрасходованную материнскую любовь. Но грязь, вонючие кучи повсюду, болячки ничейных животных... Я один раз предложила им одомашнить своих подопечных, так сразу превратилась для них во врага номер один. Разворошила я порядок, в котором они привыкли жить. Вернее, беспорядок, – продолжила жаловаться Аня.

– А на новом месте, когда мы разменялись с сыном, у меня сложились ровные, приветливые отношения с соседями. Люди простые, но такие наполненные. Я быстро нашла в них поддержку своим начинаниям. Многие пожилые женщины взялись за озеленение и украшение нашего двора. И копаем, и поливаем, и радуемся вместе. Я внучку, когда она приходит ко мне в гости, тоже привлекаю помогать мне. Пусть привыкает, – сообщила Жанна. – Раньше я с предубеждением относилась к сидящим на лавочках женщинам. А теперь поняла: сил у них нет, подчас, даже мусор с крыльца смести. Я обнаружила в соседках столько интересного! Одна, оказывается, прекрасно читает стихи и знает их великое множество. Другая была известной спортсменкой. Честь страны в молодости отстаивала. Многие из них были уважаемы, ценимы на производстве, а теперь они вроде бы никто... просто пенсионерки. И от этого им грустно и одиноко. Вот они и делятся друг с другом воспоминаниями о былых заслугах, о которых уже кроме них никто не помнит. Детям некогда их выслушивать. Оно и понятно, у них забот полон рот, деньги надо зарабатывать.

Рассказы подруг навеяли Лене одно неприятное воспоминание. Знакомый посоветовал ей обратиться к депутатам за помощью в издании очередной книги, и дал телефон своего друга, мол, хороший мужик. Запишись к нему на прием, посодействует, а он...

Слава вернулся от соседей, и Кира пожелала подругам спокойной ночи.

Бомбоубежище

Скрипнула дверь. Аня и Жанна пробрались на свои спальные места и тихо продолжили разговор, начатый на кухне.

«Бомбоубежище», – донеслось до Лены. И она вслушалась в рассказ Жанны.

...Судя по красному кожзаменителю, которым были обиты стены одной из комнат, это было лучшее бомбоубежище в городе, бункер, где в случае необходимости должно укрываться руководство. И меня поразило, что входная, мощная стальная дверь с огромным колесом для

герметического задраивания вообще не закрывалась, а должна автоматически или механически блокировать помещение. Представляешь, она у пола заросла какой-то закристаллизовавшейся никому неведомой жидкостью гнойно-желтого цвета, образовавшейся из натеков с потолка – над убежищем располагался продуктовый магазин – и будто намертво вмерзшей в пол. Эти безобразные грязно-желтые неровные наросты сталактитов и сталагмитов отбойным молотком и дрелью с победитовым сверлом невозможно было раздолбить. Какой смысл говорить о других бесчисленных недочетах и огрехах внутри пустых помещений! Ни стеллажей с продуктами, ни резервуаров для воды, ни склада защитной одежды, которые я видела по телевизору, когда демонстрировалась готовность какого-то американского бомбоубежища принять в свое лоно простых граждан на случай атомной бомбардировки. (И там показуха?)

У ответственных организаторов эвакуации населения не было подробных карт дорог города и области. Участники схода задумчиво чесали затылки, вспоминали свои рыбалки, уточняя, есть ли в данном месте реки мостик или людям придется перебираться вплавь. Атмосфера что надо! Дружеская... И я уже предвидела не только курьезы, но и крупные неприятности в случае... не дай Бог... На единственной, давно устаревшей карте не проложены маршруты следования организаций в бомбоубежища или другие пункты сбора трудящихся. «Разберемся, невелика премудрость, – успокоил всех самый старенький и, наверное, самый опытный из присутствующих. – Не журитесь. Сомкнем ряды, прорвемся. Не такие крепости брали».

Интересный факт: магазины, в которых работают от пяти до тридцати человек, были взяты на учет, а четыре высших учебных заведения, в которых до десяти тысяч студентов в каждом, в списках спасаемых организаций не значились. И причину этой странной «забывчивости» объяснить мне никто не смог. Отшутились, мол, пусть надевают белые простыни и сразу ползут на кладбище. «Ваших детей и внуков среди них не будет»? – сердито спросила я. «Смотрите на вещи проще», – насмешливо посоветовал мне какой-то офицер. Но я вдруг вспомнила строчку стихов артиста Валентина Гафта о войне: «Когда земля от горя выла...» и грустно пошутила: «Поздно, они уже все погибли».

А как началось наше учебно-тренировочное спасательное мероприятие? Целый час человек в погонах искал путевку для шофера, который должен был отвезти нас на «секретный объект». Потом мы два часа ожидали автобус. И в результате вместо девяти часов на место мы прибыли в двенадцать. «Если военные так пренебрегают дисциплиной, какого порядка можно требовать и ожидать от гражданских? – недоумевала я. – Вот из-за таких, наверное... Россия в первую мировую телами против стали воевала, да и во второй нашим солдатам поначалу крепко доставалось».

Мне выдали учебник, по которому я должна была быстро рассчитать диаграмму направленности предполагаемого атомного взрыва и уже по ней определять пути следования потоков граждан. Но он оказался сорок девятого года! Я принципиально отказалась им воспользоваться.

Вдруг все ответственные – а это были в основном мужчины пенсионного возраста, отставники – заволновались. В дверях появилась красивая, надменная, решительная женщина-начальница. Присутствующие, вобрав головы в плечи и несколько ссутулившись, двинулись вслед за нею в самую большую комнату убежища, наполовину заполненную красными стульями. Женщина что-то говорила хорошо поставленным, полным чувства собственного достоинства требовательным голосом. Я не слушала, поглощенная трагичностью и комичностью происходящего. Меня трясло от этого годами хорошо отрепетированного «спектакля». Желание всех разогнать к чертовой матери зашкаливало. Мужчины с «мужественным» страхом отсиживали им положенное. Они всё понимали, но преступным молчанием крепко держались за свою непыльную работенку.

Ко мне наклонился мужчина в форме морского офицера и шепотом предложил выступить с результатами расчетов, которые сам же за меня и выполнил. Я также шепотом ответила,

мол, заверяю вас с полной ответственностью, что если и выступлю, то только с разгромной критикой работы всей вашей шарашкиной конторы. По моему тону офицер понял, что я не шучу и испуганно ответил, что справится с этой задачей сам. Я встала и демонстративно вышла из зала заседаний, прекрасно понимая, что сюда меня больше не пригласят. Да я и не стремилась. А что я еще могла предпринять, кроме непричастности к этому балагану и афиширования своего презрения? Говорить подлецу, что он подлец глупо. Нахрапом эту контору мне не разбомбить, а тихой сапой я не умею. Да и полномочия мои не те, чтобы воевать. Своему начальству о «выполнении» задания рассказала. Знала, что все равно доложат, да еще неизвестно с какими картинками.

В тот день я такую боль за страну испытала! И бессилие. Получила еще один удар в сердце, залечить который могла лишь надежда. Только она удерживала меня от провала в бездну бессмысленности и людского безразличия. Фильм про солдата Чёнкина вспомнила, как до слёз хохотала на просмотре, а потом грустила. Осадочек-то остался горький... Я не боец, а все равно гадко и обидно было. И за себя тоже... Такой вот излом души. Не довелось мне узнать, в каком состоянии теперь находится то «хозяйство». Может, перестройка все исправила? А может, наоборот...

– А оно тебе надо? Тебе до всего дело есть? – спросила Инна насмешливо.

– Уклонюсь от ответа. А вдруг...

– Вдруг и котята не рождаются. Кто про что, а ты опять про недостатки. Как думаешь, чем дело закончилось бы, если бы ты «высунулась» с критикой?

– Не знаю.

– Я знаю. Подставила бы голову под топор один раз, а другой раз уже нечего было бы подставлять, – зло усмехнулась Инна. – Или тебе просто дали бы понять...

– Так были уже брежневские... Не рисуй себе ужасов.

– Чиновничью секиру никто не отменял. Еще Гоголь говорил, что Россию губят изнутри. Что, вспомнила Александра Филиппенко из КВНа шестьдесят второго года? «Слово – не воробей. Поймают... и вылетишь». А если окажешься «на высоте» положения. «Посадют». «Потому что прошло время свободы... Плевать на неволю?»

– Так хотелось крикнуть им в лицо, особенно начальнице: «Ваше заседание – комедия, фарс? Вы не видите очевидного? Это же идиотизм!» – вздохнула Жанна. – Пороху не хватило. Не смогла себе позволить... Поняла, что с моей стороны это будет большой глупостью. У меня, наверное, был бы вид человека достигшего конца своего пути... Инна, ты задаешь вопросы, заранее зная, что они поставят меня в затруднительное положение?

– Понимаю, в душе слепая тоска внезапного инфаркта. «Каждая система – особенно если она держится на честном слове, – чтобы существовать должна допускать определенную степень жестокости по отношению к тем, кто видит ее другими глазами». И выступать против нее опасно, и противостоять почти не возможно. Это закон развития любой государственности, – насмешливо сказала Инна.

– Куда тебя занесло! Чистой воды бредятина, – возмутилась Аня.

– Это ты мне говоришь? Память отрубил? – удивилась Инна. – Я могу одной-двумя фразами все расставить по местам. Жанна, есть люди одухотворенные, прозревшие через страдания, для них счастье возможно лишь в забвении самих себя, но ты человек не пафосный и свободна от мрачного фанатизма, поэтому сразу поняла, что и пробовать возникать не стоит, что дело пахнет керосином. И пошла наопятную – свалила. Ты же умная. Иначе бы тебе не усидеть на своем тепленьком местечке и, как от потопа, не сбежать, не укрыться от дальнейших гонений. Пришлось бы навсегда распроститься со всем, что дорого. И проваландалась бы оставшуюся жизнь в мучительно бесконечной длительности неизвестно чего... А там... дальше которого, в общем-то, ничего больше нет...

Инна, не договорив, сделала задумчивую паузу.

– Что? Забирал страх? Замирала от силы неясных предчувствий, пробиравших до костей? И хоть была ты нашпигована высокими материями, и душа авантюрно требовала расквитаться с дерьмом, спасло тебя реальное чувство самосохранения и похвальное понимание ситуации. Оно прокралось и протиснулось в узкую щелочку твоего сомнения, ползком обошло опасность – мол, ни к чему нам китчевая слава – и, подгадав удачный момент, рвануло... нафиг подальше от опасного места. Симпатии, антипатии, мнения – они у нас часто на уровне символов, на уровне лозунгов...

Пошабаршила и будет! На поверку твои амбиции оказались... пустой звук, пшик, непозволительные фантазии. Вот она – сермяжная житейская правда. Нам неведома роскошь собственных предпочтений, когда мы лишаемся близких, хлеба насущного. Мы не можем без скепсиса. Но мы не способны отказаться от предубеждений, расстаться с любимой семьей, работой... ради невыигрышной, неопределенной ситуации. Я, вероятно, сама далека от того, чтобы лезть на баррикады за чужие грехи и недоработки. Я не хочу, чтобы кто-то нажился за счет моей жизни, но, признаюсь, получить удовольствие на пределе возможного, выступив на заседании, не преминула бы. Не обошлась бы без фейерверка. Мне терять нечего, у меня нет детей... А землю греет преисподняя.

«Инка, будь она неладна. С ее-то наполеоновскими замашками... Чтоб ей пусто было. Так и не обзавелась ни умом, ни тактом. Смелая на словах, До сих пор экзальтированная, взбалмошная... с комсомольским или даже пионерским задором», – молча раздражается Жанна, вспоминая свои огромные проблемы с райкомовским начальством из-за совсем небольшого инцидента в ее школе.

– Что, Жанночка, не избежала неприятных признаний самой себе? – спросила Инна.

– Все это мало представимо, пока на собственной шкуре не прочувствуешь, – огрызнулась Аня, защищая подругу.

– А прочувствовать – то еще удовольствие, скажу я тебе, Аннушка. Неподатливость твоего воображения не пугает тебя?

– Напротив, я подавлена недоумением, вызванным рассказом Жанны. Со мной подобного не случилось.

– Жанна, остерегаешься вновь притронуться к этой теме? Не хочешь ее сканировать? Боишься пересмотра прошлого восприятия? А ты не трусь, проложи современный идеологический коридор. Изменяя название, мы меняем акценты. И оборотную сторону тоже. Что, промелькнула лента-видение? Четко понимаешь и принимаешь свое место в современной жизни? Представила вычурную, пугающую историю?

– Да уж, не научно-фантастическую. Не досаждай. Ничего она не дает ни уму, ни сердцу.

– Как сказать. Адама вспомнила?

– И его Еву тоже, – с грустной безнадежностью ответила Аня.

– С закидоном была. Пыталась права качать, а муж пострадал. Кончилось его выдворением в глухомань. Сломала ему карьеру, жизнь. Проклял ее, наверно, – сказала Жанна.

«Непредсказуемая Инесса! Куда повернула, – вздохнула Лена, вспомнив судьбу тех, кого они в молодости в шутку называли Адамом и Евой. – Надо же, обернулось всерьез... как по Библии. Изгнали. А я не знала».

Беда обошла стороной

Инна тихо вспоминает.

...Сдали вступительный экзамен по математике, а вечером пошли всей компанией в парк. По одиночке в городе еще боялись гулять. Ходим-бродим, за каждым деревом влюбленные парочки наблюдаем. Вот вам и «Детский парк»! Стемнело, вечерняя прохлада окутала нас. Нашли качалку, спрятанную в густом ивняке. Сели, прижались друг к дружке. Взгрустнулось что-то. Вдруг захрустели кусты и в шаге от нас мы увидели корчащегося на земле человека в

черном. Блеснул нож... От страха я задержала дыхание и закрыла глаза. Пара жутких долгих минут скрипа, стонов, шуршания... Когда я открыла глаза и расслабила оцепеневшее тело, черного человека уже не было. Выждав какое-то время, мы тихо покинули свое укрытие, вышли на освещенную дорогу и, не спеша, – боясь привлечь к себе внимание – направились в общежитие. Заговорили только в комнате. Громко, бестолково, испуганно. Ребята тоже героев из себя не строили. Драться им приходилось, но чтобы с ножом, да еще с таким огромным... Потом тихо делились ощущениями. Когда выговорились, успокоились, но все равно решили до конца вступительных экзаменов этот страшный парк не посещать.

Но рассказываю я тебе, Жанна, эту историю по другой причине. У нее было продолжение. Друзья ушли, подруги затихли, а мне не спалось. На меня вдруг нашла странная благодать. Я каждой клеточкой тела ощущала счастье, физическое блаженство. Мне хотелось его длить и длить, чтобы оно никогда не кончалось. Не помню, сколько времени я наслаждалась. Чувство постепенно ослабевало и вскоре совсем исчезло. А мне хотелось испытывать это чувство снова и снова. Меня спасло то, что я не догадывалась о причине со мной происходящего, не знала его источника.

Я попыталась объяснить эти ощущения внутренней свободой, которая появилась у меня, в связи с тем, что уехала из семьи. Это что-то вроде положительного расслабления организма после нескольких лет морального напряжения. Но я сама понимала слабые стороны своей теории. Первое время я часто мыслями возвращалась к этому странному проявлению моего организма, даже считала, что природа подсказывала мне, что и как я могу ощущать, что есть счастье. Но студенческая жизнь закрутила-завертела: зачеты-экзамены, любовь... и я забыла этот незначительный эпизод.

Прошло лет десять. Я многое в своей жизни узнала, многое прочувствовала. В больнице во время операции чуть не умерла. И, уходя... чувствовала то же самое. Но мне не хотелось идти за этим чувством, потому что я уже поняла, что в жизни есть много более важных вещей, чем получение физических удовольствий, и много прекрасных высоких чувств, вызывающих не только физическое, но и духовное счастье. И лишать себя всего этого мне не имело смысла. Я очень сильно захотела снова радоваться солнцу, утру, музыке! Вот тогда Господь и врачи и вернули меня оттуда. Выйдя из больницы, я вспомнила тот случай в парке, сравнила со вторым и, наконец, обо всем догадалась. Черный человек, темное пятно на песке, белый порошок на траве, как следы ранней изморози...

Самое интересное, что память того первого ощущения не пропала, она была яркой и сильной. Не исчезло и желание повторить эти ощущения. Впечатления юности, они так свежи! Но я не позволяла себе такой слабости. Я тогда уже понимала губительную силу человеческой слабости. Я хотела жить полноценно, богато, а не заикливаться на одном типе чувств, как правило, приводящих к деградации и даже к смерти. Я понимала что это странное удовольствие не связано с жизнью, а как бы... с неотвратимой смертью, и в первую очередь с отвлечением, с изоляцией от внешней жизни. В моем мозгу оно невольно связывалось со страхом потерять жизнь, и он отказывал мне в коварном желании или ослаблял его.

А если бы страха не было? Что-то, что есть внутри меня, мое собственное «я», уберегло бы меня? Что победило бы: разум или любопытство? Когда человек четко понимает смысл своей жизни, его ничто не свернет на кривую дорогу зла. «Мне дорога моя жизнь. Я не хочу ее терять. Свернуть легко, вернуться трудно. Глупо осложнять себе жизнь», – трезво рассуждала я во времена неблагоприятных периодов своей жизни, когда тянуло к сигарете, к рюмке... И теперь, иногда вспоминая случай в парке, я вздрагиваю от страшной мысли, что тогда, семнадцатилетней, глупой и слабой я могла бы выбрать другой путь. Мое незнание спасло меня от верной гибели.

– А те, что «лезут в дурь», почему не боятся лишиться себя жизни? Я заставила себя бросить курить, потому что не хотела себе вредить. А те, которые ходят без шапок зимой, не

чувствуют опасности своему здоровью? Считают это мелочью? А с них-то и начинаются большие беды. Как ты считаешь: есть генетическая тяга к определенному виду труднопреодолимых «отклонений»? – спросила Жанна.

– Может, и есть. Только ведь и голова на что-то дается человеку. Надо учить детей вовремя ее включать, – ответила Инна.

– Некоторые есть не могут прекратить. Силы воли не хватает, потому что это уже болезнь. Для них еда – наркотик. А кто-то за женщинами бежит... – усмехнулась Аня.

– Много причин у этих бед. Одна из них – уровень культуры, – сказала Жанна.

Дальнейшие рассуждения подруг Лена не слышала. О чем-то своем задумалась.

Хочется гордиться

– ...Ты не была на встрече у Нины и ничего не слышала. Переключила я телевизионный канал. Показывали сериал о нашей доблестной милиции. Затянулся долгий разговор. Лиза жаловалась. Помню, Нина раздраженно воскликнула:

– И ни одного положительного случая не было за шестьдесят лет?

– Внучку в городе милиционер чуть не изнасиловал. Удалось ей убежать. Дочку с двумя малышами милицейская машина чуть не сбила на переходе при зеленом свете светофора. Пьяный шофер сидел за рулем, развернувшись на сто двадцать градусов, разговаривал с офицерами, которые сидели на заднем сидении автомобиля, и за дорогой не следил. Лица у всех были красные, веселые. Дочка вовремя оглянулась, детей в охапку и бегом назад с проезжей части. Успела. Сбили они только бабушку, легко, чуть только бампером задела. Скорость машины по счастью на повороте была небольшая. Прокатилась старушка по льду метров пятьдесят, кое-как встала, и захромала потихоньку дальше, не оглядываясь. Повезло ей.

...И в деревне не лучше. Одна видимость исполнения законов. Все ее действия – «часть одного и того же ландшафта». Первый раз я увидела Васю, когда ему было четыре года. Я шла с мамой на станцию к рабочему поезду. Навстречу нам мчался малыш и на бегу «косил» палкой все, что попадалось ему на пути: бурьян, цветы, мирно лежащих в пыли курей, цыплят, гусят. Красивая, качественная одежда на нем была грязная, светлые вихры на голове нестриженные, лицо в серых подтеках. Когда мы поравнялись с колонкой, он прыгнул в лужу, которая постоянно образовывалась рядом от течи, и с большим удовольствием окатил нас мутной жижей, а потом продолжил деловито и сильно хлопать палкой по грязи, внимательно наблюдая, куда и как летят ее ошметки.

Моя мама была поражена поведением ребенка, и естественно, попыталась объяснить малышу, как надо вести себя, тем более со старшими. Малыш нагло, точнее сказать, победно взглянул на нас, скривил презрительную рожицу, показал нам язык и обозвал мою маму дурой. Она буквально ошалела от подобного отношения к ней, учительнице, даже покраснела от стыда. Я, поняв ее состояние, буркнула: «Глупый, потому что еще не школьник». Мама усмирила свои чувства и повернулась к малышу, чтобы еще раз попытаться поговорить с ним мягко, даже ласково. Я по ее лицу это поняла. А малыш спокойно развернулся и, не торопясь, пошел в другую сторону. Он не боялся нас и не желал слушать лекций. Но стоило нам отвернуться и пойти своей дорогой, он швырнул нам в спину грязную палку. Мать остолбенела. Я чувствовала, что она растерялась, не зная, что предпринять в столь непредвиденной ситуации. За тридцать лет педагогической работы она впервые столкнулась с подобным неуважением. Правда, дошколят она не воспитывала.

«Что делать? Бегать за мальчишкой, ловить, смешно выглядеть перед жителями улицы – свой авторитет понижать. А, поймав, тащить паршивца к родителям? Он же такой ор устроит, что все село сбежится. Поди докажи потом, что права. Да еще начнет утверждать, что его обижали. Случилось такое со мной в городе, на вокзале, с хулиганом, попытавшимся вырвать

сумочку», – рассуждала мама молча. Она с тяжелым сердцем шла по улице, размышляя о судьбе малыша, анализировала его и свое поведение. Я разгадала ее мысли и сообщила:

– Васька – сын начальника милиции. Отец – деспот. Жену не слушает, детей балует, а напившись, на всю улицу кричит: «Всех пересежаю, все вы у меня под каблуком». Васька считает, что ему все позволено, потому что его батя – Бог и царь. Не ходите к нему домой, матом обложит и выгонит. Учителя его старшего сына уже за голову хватаются, не знают, как справиться с Ванькой.

– Все равно надо сходить, поговорить, может, этого не упустят. Жалко ребятишек, сгубит их отец.

Но со мной мама не решилась пойти к милиционеру. Наверное, постеснялась. А вдруг и правда, начнет слать ей матюги? На следующий день вернулась она со станции расстроенная, убитая. Все вздыхала и возмущалась: «Ум и хитрость разные вещи! Наглости в нем – хоть воз грузи, а соображения нет. Как можно не понимать, что калечит сыновей! Грозился привлечь меня, если буду лезть в его личную жизнь».

А в первом классе Васька уже открыто, даже демонстративно, курил в школе. В пятом классе украл у родителей крупную сумму денег. Отец подумал на родственников жены, а когда разобрался, то замаял дело. Никто не хотел дружить с Васькой. Так он хитростью заманивал мальчишек, а когда они попадали ему в зависимость, начинал ими командовать. Мальчишки не рассказывали об этом своим родителям, потому что боялись, что Васькин отец и до них доберется.

И вдруг люди в лесу нашли изуродованное тело Васькиного одноклассника. Гордый мальчик ни в чем не уступал хулигану, не реагировал на угрозы, учился отлично, был серьезным, самостоятельным, уверенным, чем портил общую картину страха, подчинения и унижения, творившуюся в классе. По селу ползли жуткие слухи об отрезанных ушах, о тушении папирос о тело еще живого школьника. Но все молчали. А через два года в селе появилась шайка пацанов, которые по утрам подсакивали к сонным колхозникам, приехавшим из различных сел района и мирно дремавшим на лавочках в ожидании поезда, били их по головам и забирали сумки с деньгами, вещами и продуктами. И опять никому до этого не было дела.

В это же время серия пожаров пугала и удивляла селян: то магазин, то промкомбинат, то лесопилка сгорали, то швейная мастерская. И всегда виноват был стрелочник: то пьяный старикан-сторож, то несовершеннолетняя ученица утюг выключить забыла. Убытки списывали и закрывали дело. Но по селу пошли неподтвержденные слухи о том, что перед тем, как объекту сгореть, около него всю ночь грузовики бесшумно отъезжали. Судачили о стоворе милиции и прокурора.

Учителя не знали, как избавиться от трудного, неуправляемого ученика. И вот, наконец, выпускной вечер. Чудная ночь, шелковый рассвет, катанье на лодках по реке. А на утро поплыли зловещие слухи: «Васька приставал к однокласснице. Она отказала. Он сбросил девочку с лодки в воду и бил веслом, пока она не утонула на глазах у всего класса. Ребята сначала кинулись спасать девушку, но бандит пригрозил, что если кто вмешается, того он на месте убьет. А всякому, кто родителям «выкнет» про эту историю, его отец «пришьет» любое самое гадкое обвинение и больше того человека никто не увидит, потому что у бати все «схвачено», все начальство у него «на крючке и в кулаке».

– Надо было девочку спасти, а этого гада утопить. Проще и полезнее убить одну сволочь, – жестко сказала Инна.

– Ты бы смогла?

Инна заерзала на месте.

– И где же теперь это бандит? – удрученно спросила она вместо ответа.

– Говорят, пристроил отец его в институт, да руки коротки оказались на всю область. Это в деревне он царек. Слышала, что сгинул. Может, с такими же, как он бандитами не поладил

или нашелся кто-то посильнее властью, только больше не появлялся Васька в родном селе. Может, в тюрьме сидит. Помалкивают все о нем. Молчание – золото. Вдруг всплывет ненароком? Я один раз разговорилась на вокзале со старушкой, а она вдруг в обморок свалилась. Еле отходили. А рассказала я ей про то, что в нашем селе банда шарит в посадках, которые ведут к заводу. Рабочие идут со смены и там их встречают. Мужчин грабят, женщин насилуют. Одна возьми да узнай одного парня по голосу. Сдуру брякнула: «Витек, что же ты делаешь!» А он ее ножичком, чтобы не выдала, да не до смерти. Рабочие нашли в кустах, домой отнесли, там она мужу все рассказала и скончалась. Деток двое осталось. Хоронить завтра будут... Оказалось, что та старушка из нашего района, а ее дочь тоже через посадки на работу ходит. Так-то вот трепать языком... – вздохнула Лиза.

– Но это совсем другое. Болтать лишнего не надо, а вот всем селом встать на защиту своих детей стоило. Сход собрали бы! – возмутилась Инна.

– Это возможно организовать только в маленькой деревне, а в большой кто в лес, кто по дрова.

– У кого же им заступничества искать с такой милицией? В городе, наверное, лучше в этом плане? – спросила Аня.

– Не знаю, – вступила в разговор Зина – Лучше бы вообще по жизни с милицией не встречаться. Я один раз с ней столкнулась, да и то неудачно. Столько перетерпела. Сын мой проводил девушку и возвращался домой. На остановке его огромный детина в лицо ударил. Сын так и свалился без сознания. Никто ему не помог. Сам кое-как очухался, домой добрался. Отец открыл ему дверь и ахнул. Лицо вспухшее, рот перекосило, глаз не видно. Меня будить не стал, промыл рану, передел сына и спать уложил. А на утро я зашла в комнату и мне чуть дурно не сделалось. Выяснили мы, кто бил и в милицию пошли. Там с нами так разговаривали, будто мы виноваты в происшедшем. Допрашивали грубо, издевались, мол, ребята девку не поделили, а вы возникаете. Я им сказала, что они обязаны различать два понятия: «подрались» и «избил». Несколько раз в милиции «теряли» наше заявление, несколько раз закрывали дело, но мы настаивали на том, что безнаказанность ведет к следующим преступлениям, и требовали осуждения хулигана хотя бы условно, с оплатой больничного и операции, которую сделали нашему сыну в Москве. Слава Богу и врачам, что лечение закончилось благополучно. Только благодаря тому, что мы хорошо знакомы с прокурором, удалось осудить хулигана. Но денег он нам так и не выплатил, хотя было постановление суда. Да разве в них дело!

В этом старом районе города все друг другу кум, брат и сват, вот и покрывали «своих». А мы им чужаки. Меня до сих пор коробит, как вспомню беседу, нет, допрос в милиции. Женщина-милиционер нагло унижала и оскорбляла меня. Она – маленький человечек без каких-то особых полномочий, но на своем месте – начальница! Я долго терпела, а потом возмутилась и стала объяснять ей, что она пособница преступления, что ее поведение способствует растлению молодежи. Я встретила такую ненависть всех присутствующих в этой комнате сотрудников, что подумала: «Куда мы катимся?! Когда же у нас будет правовое общество, способное защитить доброго, честного, умного, от хама, хулигана и бандита?» Что было бы с нами без поддержки, если бы мы ее не дождались со стороны их высокого руководства? Они бы нас там, в милиции, с грязью смешали – это в лучшем случае, а то еще и «навесили» бы сыну или нам какое-нибудь преступление. С них станется.

А у моей родни грустно-комичная история вышла. Банда цыган прилипла к их сыну. Грозить ему по телефону стали, в болоте утопить обещали. Сын ничего маме не говорил, а с отцом поделился. Тот, конечно, в милицию пошел. Там хорошо встретили, диктофон дали, чтобы угрозы записали. И вдруг трое бандитов на самом деле в квартиру к ним ворвались. Сын добрый, доверчивый, сам дверь открыл. Глазка у них тогда еще не было. А бандиты в лицо парню из баллончика брызнули, оседлали и потребовали денег. Сын кричал: «Нет у нас денег. Гляньте на квартиру, мы бедные. Вас обманули». Его отец с другом в это время на кухне обедал,

а так как телевизор был включен, они ничего не слышали. На счастье друг вышел покурить. Бандиты не ожидали увидеть взрослых мужчин и выскочили на улицу. Догнать их не удалось. И все-таки милиционеры разработали хитрую подставу и схватили шантажистов при передаче денег. Мы были счастливы: «Вот это работа! Какие молодцы!»

А позже узнали, что всю эту операцию они провернули, чтобы взять виновных и за большие деньги отпустить. Говорят, крепко они родителей этих юнцов «выпотрошили». Но мы все равно были рады. Нас бандиты больше не трогали.

– С моим знакомым еще почище случай произошел, – продолжила рассказ Лиза. – Перестройка только началась. Надо было как-то выживать. Организация, где мой знакомый работал, разорилась. Его жена гроши получала, а дети – студенты. Как жить? Занялся Гоша с сыном, чинить оргтехнику и телефоны. А где детали брать? Вот они то в магазине что-то купят, то на рынке вещевом. Кое-как перебивались, постепенно обрастая запчастями.

Кто-то раз им в дверь постучали. Сын открыл. На пороге стояли два мальчика и предлагали детали к множительному аппарату. Не понравились матери мальчики. Один сразу по квартире шарить стал, а второй глаза в сторону отводил при разговоре. Не посоветовала она сыну покупать эти детали. «Вдруг они ворованные», – сказала. Но когда ребята сообщили, что нашли их квартиру через общего знакомого, отец пошел за деньгами. А у матери вдруг слезы хлынули, истерика началась. Пожаловалась она, что сердце беду ей подсказывает. Утверждала, что один их мальчишек стопроцентно наемный милицейский подставной, мол, по поведению за версту видно. Отец и сын только отмахнулись от нее: «Надоели твои причуды. Сейчас на рынке любую деталь можно купить. Нет здесь криминала». Да еще снисходительно насмеялись над ее интуицией.

А через два дня в их квартиру нагрянула милиция. И те самые мальчики при них. Оказывается, ограбили какие-то юнцы судебных приставов, разобрав заднюю стену здания, и вынесли всю аппаратуру. Сын отпираться не стал. Сразу выложил на стол десять маленьких деталей. Они все на ладони укладывались. Тем не менее, следователь стал грозить тюрьмой. Сын пытался объяснить, что на рынке тоже ни у кого нет документов на товар. Следователь усмехнулся: «В деканат телегу накатаю – вмиг из института вылетишь. Нельзя доказать, что детали краденые, но и нельзя доказать обратное. Значит, краденые». Потом он позвонил руководству и спросил, как быть техникой, имеющейся, в квартире, и получил разрешение все забрать. Георгий возмутился: «Воровство произошло три дня назад, а на нашем телевизоре и видеомagneтoфoнe слой нетронутой годовалой пыли». Милиционеры молча погрузили в фургон все копировальные аппараты, находившиеся в ремонте, всю личную бытовую технику, сложили в ящики и унесли детали, накопленные за три года работы.

«Осталось забрать обтрепанный диван и потрескавшийся от старости рабочий стол», – горько пошутил сын хозяина.

«Как же мы теперь считаемся с организациями, которые отдали нам в ремонт свою технику? Мы ведь с ними официально работаем. У нас все по-честному. Вот документы», – пытался защититься Георгий.

«Разберемся. Если техника не краденая – вернем», – ответил следователь и сел в машину.

– Отдали? Или как всегда «накось выкуси»? – спросила Инна Лизу.

– Когда их знакомый из администрации города вмешался, то вернули технику, вытащив из нее все важные детали, по сути дела пустые корпуса отдали. А телевизор еще полгода у себя держали. Когда Гоша пришел его забирать, милиционеры шутили: «Жаль отдавать. Хорошо показывает».

– А ящики с деталями, которые они выгребли из шкафов? – поинтересовалась Аня.

– Господи, о чем ты говоришь? Обокрали вчистую. Два года семья, затянув пояса, рассчитывалась с организациями, для которых чинила аппаратуру. Ничего, с божьей помощью выкарабкались. Позже, через знакомых они выяснили, что мальчики на самом деле состояли

на службе в милиции, устраивали подставы и грабили интеллигентные семьи, пытающиеся организовать легальный бизнес. Сколько подобных историй может рассказать каждая из нас! Хорошо, что они без смертоубийства.

– Самое обидное, когда человек не может защитить свое человеческое и гражданское достоинство, – грустно заметила Жанна. – Дядя моего мужа занимал достаточно высокий пост в администрации области, потом вышел на пенсию. Пока работал, его все знали и помнили, а на пенсии он уже никому не нужен был. Как-то возвращался он с дня рождения друга совсем чуть-чуть выпивши. Нельзя ему употреблять алкоголь, давление подскакивает. Не понравился милиционерам цвет его лица. Остановили, в машину предложили сесть. Дядя объяснил, что лицо красное у него из-за давления, а что немного пошатывает, так возраст, семьдесят два года – не шутка. Но в машину сел безропотно, воспитанный был человек.

Привезли его в милицию, но домой не разрешили позвонить. Он им стал объяснять, что по такому-то и такому пункту КЗоТа они обязаны предоставить ему право на один звонок. Что тут началось! Он еще и умный! Раздели, били, ногами пинали, издевались. Сначала предупредили, что на пятнадцать суток посадят, потом пригрозили убить и концов никто не найдет. Руки все порезали в кровь какими-то жесткими ремнями. Сын разыскал и вызволил отца, – хотя ему говорили, что нет его в отделении, – жизнь ему спас. Милиционеры все медицинские и гражданские нормы нарушили. Самое интересное, что был суд. Так судья сказала: «Раз сто граммов выпил – виноват». «У нас сухой закон?» – уточнил мой дядя. Только благодаря своим связям ему удалось завести уголовные дела на двух офицеров и методично записать все их нарушения. Но судья встала на защиту «чести мундира», а не пострадавшего. В сумме по всем пунктам обвинения милиционерам дали по два года условно и они продолжали работать на прежних местах. Это все, что дядя смог сделать. А что уж говорить о простых смертных.

У соседки дети колядовали под рождество, так всю их компанию забрали в милицию и двенадцать часов там продержали. Сотрудники милиции не только не позвонили родителям, что обязаны были сделать, но и обложили матом матерей, которые пришли спасать своих несовершеннолетних дочек. Протокол задержания не предъявляли, били детей. Боже мой, сколько было слез, страхов, истерик, больничных! Я до сих пор с дрожью вспоминаю эту душераздирающую историю, – сказала Жанна.

И Лена вспомнила:

– А я только раз за всю свою жизнь с милиционером столкнулась. Подвозил меня знакомый на своей машине. Останавливает нас гаишник, красивенький, молоденький такой, усики еще не пробились, совсем молочный. Знакомый мой долго выслушивал юнца с серьезным видом, а потом вытащил документ полковника запаса. Мальчишка, нимало не смутившись, заявил: «Ну, так сразу и сказали бы». Спросила я потом знакомого: «Мы что-то нарушили?». Тот ответил: «Я никогда не нарушаю. Гаишник взятку пытался требовать».

– Послушайте, точно такую же фразу мне сказала продавщица, когда пыталась «наказать меня» на 300 грамм с каждого килограмма сыра и масла. Это сейчас наиболее дорогие продукты. Чтобы меня не обвешивали, я со своими никелированными гирьками теперь хожу, будто член какой-то инспекции, – рассмеялась Аня.

– Мне близки и понятны эти проблемы. И все же неудачную тему мы выбрали для ночного разговора. Хватит вспоминать плохое. Зачем сейчас нервы дергать? Были девяностые, был беспредел. Но все это безобразие уже закончилось, – сказала Лена, закрывая глаза.

*

Лена слышит голос Ани:

– ...Моя подруга-психолог собирала реальный материал на эту тему. Книгу хотела написать о влиянии службы в армии на физическое и психическое здоровье мужчин. И меня просила помочь ей. Предлагала опрашивать служивших в армии бывших выпускников нашей

школы, когда они приезжают на вечера встреч одноклассников, с обещанием не упоминать имен и не выдавать свои источники.

– И что выявил опрос? – встрепенулась Инна.

– У меня не получалось в праздничной обстановке говорить с ребятами о серьезных вещах. И только один парень-весельчак, выйдя со мной в пустой класс, закатал штанины своих брюк и показал ноги в страшных черных пятнах – результат непрерывного трехдневного отмокания в болоте под лозунгом серьезной практической подготовки к защите родины. Мол, вы всё должны испытать.

«И многим эта «наука» даром не прошла? А на дыбу вас не вздергивали, не тренировали на случай, если попадете в плен? А если вдруг война, какие же из вас, покалеченных, солдаты получатся? У кого ноги, у кого почки застужены. Вы же ни на что теперь не годны. Не роптали?» – спросила я, не на шутку разволновавшись.

«Помалкивали. Кто бы позволил. Нам внушали, что мы обязаны, что мы герои. Со школы привыкли слушаться и подчиняться», – ответил мой бывший ученик.

«Исполнять чью-то злую волю я учила? Только добрую, и то в разумных пределах».

«В армии приказание начальника не подлежат обсуждению. Это теперь, на гражданке все обдумываешь, оцениваешь, а тогда, в восемнадцать лет мы все сопляки, салажата...»

«Что еще поучительного преподнесешь своей старой учительнице?» – спросила я.

«Много чего было... Не стоит рассказывать. И хорошее было».

«Например».

«Сразу так и не вспомнить... Думали, что мужаем, что во имя...»

– Издала твоя знакомая книгу? – шепотом спросила Аню Жанна.

– Болеет. Инсульт у нее был. Уже не надеется, что сможет окончательно выздороветь и осилить задуманное. Иногда она мне кое-что рассказывает о судьбах опрашиваемых ею солдат, но все такое страшное, что я отмахиваюсь от нее, не желая травмировать себе психику.

– Вспомни хоть один случай.

– Я тебе о своем знакомом поведаю. Даваясь слезами, он рассказывал мне о товарище, которого сильно били.

– За что? – уточнила Инна.

– Ни за что. От скуки, от желания поиздеваться над более слабым. Им видно, не хватало острых ощущений. А пьяными его еще до потери пульса насильовали под злые яростные насмешки... Не сбежишь. Кругом море. Товарищ жаловался: «Кто бы знал, как мне плохо! Жизнь и так трудная, зачем ее усложнять и похабить?.. Как человек жесток и не разумен... Хуже животного».

– С тех пор как в армии стали служит зеки, все в ней повернулось в худшую сторону, – вздохнула Инна. – И никто не защитил того парня?

– Знакомый сказал, что не с руки было, мол, что я мог сделать, живя в этой дикой своре?.. Они же гуртом. Самому занять его место?.. Я вынужден был принимать условия их «игры». Такие вот «показательные выступления» и «вольная программа»...

– Какая дикость нравов! Я всех этих гадов порезала бы поодиночке и сама за борт... – в сердцах воскликнула Жанна. – Что с ними миндальничать? Отомстила бы за всех униженных и погубленных. Сколько матерей мне поклонилось бы в ноги!

– Одна деревенская мать мне сказала: «Сына мезтью не вернешь», – заметила Аня.

– Вот они и продолжают...

– Какая польза от твоей резни? Начальники наверх доложили бы, что псих завелся на корабле, а этих гадов в герои возвели бы. И все, – сказала Инна.

– А Божье возмездие?

– Спит твой Бог. Видно самоустранился, – криво усмехнулась Аня. – Не слышит. Уши ему заложило. Когда-то у Него из головы вылетела мысль о помощи сирым и несчастным, да назад больше не воротилась.

– Кто-нибудь из руководства мог защитить. Не все же они там... – затеребила Жанна Аню.

– Знакомый рассказывал, что их капитан тоже выбирал себе жертву и каждую ночь являлся. Скольких мальчишек изгадил... А когда вышел на гражданку, диссертацию на тему морального облика молодежи накропал. Чужие, высокие и умные слова в свою научную работу переписывал. Потом о нем местный краевед в своей книге хвалу до небес вознес, награды его перечислял. Мой знакомый читал и плевался. Говорил, что хотелось взять финку и в темном переулке... Но подумал: «Что уж теперь, задним числом...» Потом узнал, что зря не угробил. Тот гад, оказывается, еще девушками и девочками занялся... да еще со смертельным исходом. Корил себя мой знакомый, что не взял на себя грех эту сволочь изничтожить... Духу не хватило. Теперь уж поздно, старый, безвредный он.

– А как же органы? – спросила Жанна.

– Нашелся смелый человек. Но гад выкрутился. Доказательств не хватило. И как в нем уживалась жестокость к чужим ребятам и любовь к своим детям? Это я к вопросу о воспитании.

– А как у гитлеровцев? Видно считал, что имеет право издеваться, – зло заметила Инна. – Как сложилась судьба того... которого по кругу?..

– Повесился. Мужчины тоже не все духом Гераклы. Далеко не все железные. Люди ведь... Животные и те по характеру разные, если их ломать... Матери доложили, что за борт смыло, что сам виноват: не выполнял Т.Б.

– Никто не спорит: закрытые сообщества имеют свои негативные... особенности. Сам-то твой знакомый как уберется?

– Говорил, что «представлял себя в немецком концлагере, считал, что обязан выжить, вернуться домой и возродиться. Отцу хотел рассказать, чтобы знал, куда он послал своего единственного сына для возмужания и выполнения гражданского долга. Он в молодости служил на корабле матросом... Но видно времена настали другие или мне не повезло. Письма любимой девушки поддерживали. Маму жалел. Она гордилась мной. Отличником был в институте по всем предметам, талантов куча. Меня же с четвертого курса забрали. Да только армия в талантах не нуждалась. Те, кто поумнее, по совету опытных товарищей шлангом прикидывались или валенком деревенским, мол, «моя твоя не понимай». А я идейным, дураком был». Самое страшное – погибать в мирное время... да еще и от рук своих соотечественников.

– И куда же смотрел наш всесильный идеолог партии? – возмутилась Жанна.

– До высокого начальства система не позволяла жалобам доходить. С обиженным человеком на местах «разбирались».

– Что мы все о негативе?.. – затрясла головой Жанна, словно пытаясь избавиться от наваждения.

– Подруга для книги собирала только плохие случаи, чтобы бороться с их проявлениями, – объяснила Аня.

– А что выгадывали те ребята, которые прикидывались? – спросила Инна.

– Дураков офицеры не эксплуатировали. Один мой коллега весь срок в армии обучал математике недорослей командира и решал контрольные офицеров-заочников. Делал он это в свое личное время, когда другие солдаты отдыхали. И это ярмо не спасало его от подспудных издевательств старшины и недоверия коллектива. Он был в полной изоляции. Сослуживцы предполагали, что он получает какие-то тайные льготы или подарки. Его постоянно терроризировали, требуя делиться. Другой – у него были золотые руки – занимался ремонтом квартир офицеров. Был на положении раба.

– Насколько я знаю, это было в порядке вещей, когда солдаты вместо службы работали на дачах комсостава. Я помню, одна моя знакомая – ее муж даже не офицер, прапорщик – говорила с надменным вызовом: «Я на огороде, с тяпкой? Да мне только слово стоит мужу сказать и всё будет вскопано и посажено. Я отдыхать в сад езжу, а не работать».

А я ей ответила: «У тебя дочь, а был бы сын, его тоже какая-нибудь сволочь припахивала». Поссорились. До сих пор не общаемся. Теперь запретили использовать солдат не по назначению, но русский человек всегда найдет лазейку, – рассказала Инна.

– Так это еще до перестройки было? А свежее нет материала? – спросила Жанна.

– Есть, только я не хочу больше на эту тему... Я рассказала тебе про моряка, потому что лично знала этого мальчика и сейчас отслеживаю его судьбу. До сих пор муку в его глазах вижу. Может, он за всю оставшуюся жизнь ни разу не столкнется с жестокостью, но тот армейский «урок» всю жизнь будет жечь ему сердце.

– И ты думаешь, он отпустит своего сына служить?

– Костями ляжет, но не допустит, – ответила Аня.

– А говорят, матери нежат.

– Он сына качаться заставил, но не для армии. Там, если захотят, и боксера уроют. Сынок одной нашей сотрудницы уж какой был качок, так недавно с разбитой головой его отец домой привез. Мальчишку с перепугу сразу комиссовали. Поняли, что с его отцом – бывшим крупным чиновником – лучше не связываться. Отец в больнице говорил сыну: «В армию пойдешь, когда, не дай Бог, придется родину защищать от внешнего врага. Тогда мы все пойдем».

– Как же он в армию попал, почему призвали? – удивилась Инна.

– Это сын его второй жены. Не послушался упрямец отчима, хотя тот его с трех лет растил. Утверждал, что готов к армии и морально и физически, что поедет в любую горячую точку. Хотел сделать блестящую военную карьеру. А тут свои подонки, предательски... Обрубили ему концы, не стал он офицером. А ты думала, у него было предубеждение против армии? – спросила Аня.

– Одних с психическими и физическими отклонениями в армию забирают, других, бывших здоровых, после службы с дефектами возвращают домой, – вздохнула Жанна. – Моя знакомая еле отбила своего хромого от рождения сына. Буквально из вагона, следующего к месту назначения, вытащила. Не подвело ее материнское чутье, когда сына обманом отправили служить. Военком сказал ей, что работать на кухне и калека сможет. Но она пригрозила со всем присущим ей пылом написать министру обороны о том, как позорят великую армию, и тот отступился от мальчишки. Я думаю, лет этак через двадцать, когда армия будет полностью профессиональная...

– Случится невероятное: справедливость восторжествует? – усмехнулась Инна. – В мужских общежитиях такие же безобразия творятся. Уже не в первый раз убеждаюсь, что в полностью мужском коллективе некоторые особи проявляют свою звериную сущность. Взять хотя бы мальчишники и другие, чисто мужские праздники.

– Мой знакомый не ходит на подобные тусовки. Говорит, нет времяпровождения омерзительней и паскудней. Пьют, дерутся, мирятся... и оправдывают себя тем, что, мол, вы не знаете, как нам т а м было... – сказала Аня.

– Сами же эти безобразия и устраивают, – заметила Инна.

– С подачи и потворства нижних офицерских чинов много чего в армии происходит, – заметила Аня.

– То, что парню голову проббили, вина не офицеров, а солдат, призванных после тюрем. Похоже, сын твоего сослуживца не захотел подчиниться их бандитскому «уставу». Вот они и устроили ему «темную», – сказала Инна.

– Бандиты служат в стройбатах. Вот где полное бесправие, – вздохнула Жанна.

– Там же нет строевой муштры.

– И что? Один парнишка мне рассказывал: «Выживу ли вообще... доживу ли до завтра... Шестерил, унижался... Какие там на гражданке обиды! Я в армии всех простил, кто меня раньше обижал. То все было так мелко... Допустим, не понимал я, как дети могут бить детей, издеваться... Дурак был, гонор свой показал, вот комиссар и загнал меня туда, где Макара телят не пас... в самое горнило ада человеческой подлости и звериной ненависти. Знал куда... А мама верила, что я в стройбате по специальности работал». – Жанна опять вздохнула. – А мой зять – здоровенный мужик, спортсмен – об армии подробно не распространялся, только сказал: «Нигде больше не видел такой степени пренебрежения к личности человека, как в армии. Там для них человек – ничто. В учебке определенный процент смертности считалось нормой. После нее Афганистан раем показался. Я думал, что высечен из скалы. Но камень тоже разрушается в адовом огне. Вернулся домой другим человеком. Но теперь «иду по своей лыжне». Великое счастье, что у меня дочери».

– Те, кто сломался в армии, геройствуют на гражданке в своих семьях. Матерей бьют, когда те денег не дают на водку, жен по пьяни насилуют при детях... как их когда-то. Командира не надерешь, а жену... И с праздников их еле живых чужие дружки приволакивают домой. Они-то не знают, какими те были героями... – зло сказала Инна.

– А я думала на эти тусовки ходят только те, кто сами... других... а не те ...кого, – не поверила Жанна.

– Достойные ребята культурно празднуют, с размахом, но без пьяного куража и купаний в фонтанах.

Как-то видела встречу двух бывших сослуживцев. Один издевался в армии над другим, моим знакомым. Смотрю, обнялись. Простил? Я бы руки не подала. Я бы не спустила, – Инна брезгливо передернула плечами.

– На гражданке ему тоже могут отомстить, – осторожно предположила Аня. – Хотя... не целесообразно.

– Пошеруди в своей памяти как в предпраздничном холодильнике. Многим бы досталось?

– Ну... не думаю. Мой ученик говорил: «Я уважать себя и своих ребят хотел, за то, что наша служба идет на пользу моей стране. Я защитник! А чему меня научила армия? Хамству, жестокости. Еще подличать, быть двуличным, прогибаться под каждого. А главное ненависти к людям и к самой жизни. В этом проявляется мужское мужество и достоинство?» – глаза Ани опять увлажнились, а уголки губ задрожали. – Сколько я души в него вкладывала, пока он рос! Он был моим тайным любимчиком, сыночком.

– В армии есть много чего недоступного моему пониманию. Есть ручные картофеле-чистки, даже электрические. Почему солдат заставляют работать обычными ножами? Повара не хотят лишиться себя развлечения: возможности поиздеваться над подчиненными? А портянки? Это же архаизм, анахронизм, средневековье! Не пора ли их в музей сдать? – коснулась другой сферы деятельность Жанна.

– Они от нашей бедности. Финансы в нашей казне поют романсы, – уверенно сказала Аня. – Или воруют.

Не могла Жанна «прикрыть» большую кровоточащую тему. Старшему внуку подходил срок выполнять свой гражданский и мужской долг перед родиной.

– Не благо жить под постоянной памятью об унижениях. Она с неумолимой настойчивостью долбит, сверлит мозг. Каленым железом не выжжешь. Вот и пьет, заливают, затуманивает... Мать тревожится, жена плачет, ведь все вроде в семье нормально, так отчего же эти срывы, запои, отчего непредсказуемая жестокость? – Жанна задумалась. – ...Мне много лет, но до сих пор меня дергает за сердце одно подростковое, непреднамеренное, неосмысленное предательство, ложь и оговор. Я в таких случаях ощущаю нехватку сил понять... и совсем не от недостатка знаний, а от чего-то еще другого... непостижимого... Трудно бывает, когда

тебе казалось, что ты знаешь, как устроен мир, а потом оказывалось, что все твои знания – наивность, глупость, что всё куда сложнее. Нет, не сложнее... гаже, обидней. Когда никаких канонов... когда ты униженный, затравленный. Несправедливость лежит в основе мироздания? Иногда мы об этом забываем, а когда обстановка накаляется до взрывоопасной... Любовь, равенство, братство... Они на небе...

Много гадкого я узнала, что по детдомовским понятиям быть не должно, но было. Ну, понятное дело, если бы фрицы...

– Это после хорошего детдома, – заметила Аня.

– Наш был хороший, пока блатного директора не поставили. Он только показухой занимался, а с детьми при нем черте что творили. Благо я на выпуске была. Меня сильно не затронуло.

– Я бы не стала совсем уж однозначно... об армии. Наверное, не так много мест, где подобным образом «воспитывают героев», и не так уж много этих сволочей-старшин. Или как их там... – попыталась закрыть больную тему Инна. Ее поташнивало от стремительно нарастающего давления.

– Но для каждой матери ее ребенок – вся планета. Хотелось бы, чтобы на жизненном пути наших мальчишек было меньше бессмысленно-жестоких потерь. Отличник в учебе – это еще не гарантия дальнейшей счастливой жизни, – вздохнула Жанна, – Но...

– Подводишь к самой главной мысли? – усмехнулась Инна.

– Да. Мои ученики, в основном, возвращались из армии окрепшие, возмужавшие. Помню, приходили веселые, довольные собой, хвалились, что служили на границе. Дружно жили, интересно, многому научились. Начальник был как отец родной.

– Я горда учениками, которые переросли меня, но особенно, сумевшими преодолеть в себе страшные наследственные или приобретенные пороки, – сказала Аня, уводя подруг от тяжелой темы.

– Я к сверхсрочникам отношусь с подозрением. Мне кажется, там остаются те, которые не могут состояться на гражданке. А в армии они находят работу «по душе» и могут «проявить» себя в полную силу, в полный накал. Нет, чтобы порядок навести, а они наоборот приличных ребят ломают, – снова повело Жанну на тропу тоскливых мыслей. – Ну, допустим те от бескультурья, от злой неизрасходованной силы, от собственной обиды на кого-то другого, а тот образованный офицер, отчего?

– От того что начальник, от того что все дозволено и все шито-крыто, – покривила рот Инна.

– Ведь никакая мать не хочет иметь жестоких сыновей. Кто и что их такими делает? Гены, отцы, улица, армия, общество... Я читала, что на Севере женщины вкалывают наравне с мужчинами. Там иначе нельзя. Но это не делает их жестокими.

– О, ты не знаешь, какими жестокими бывают женщины, доведенные до ручки! В тюрьмах, например. Вот и делай вывод, – сказала Инна и накрылась простыней. Жанна последовала ее примеру, чтобы скрыть набежавшие слезы.

– В автомобильных авариях больше людей погибает.

– Аня, ты это в оправдание жестокости сказала? – насторожилась Инна.

– Остановитесь, – жестко потребовала Лена. – Недавно я шла мимо рынка, а там в это время на площади самодеятельный ансамбль бывших афганцев выступал. Прекрасные голоса, прекрасные тексты о гражданском мужестве, о «деревянных костюмах». Я и пяти минут не выдержала. Горло перехватила чужая боль, чужая беда. Опустив деньги в ящик, я с трудом оторвала ноги от асфальта. И стоя за киоском, долго еще не могла успокоиться, унять слезы. Рвали мне сердце слова: «Положит руку на плечо и скажет мне: «держись». И выше, и надежнее этой поддержки для них во время службы, наверное, ничего не было...

– Легко ввязаться в войну, да трудно из нее выйти. Я против того, чтобы помогать разрешать междоусобные конфликты в других странах. Правительства меняются и мы в их глазах уже не спасители, а агрессоры, захватчики. Зачем людей лбами сталкивать? Их ссоры имеют шанс прекратиться, они могут помириться, а мы на всю жизнь останемся их врагами, – сказала Аня.

– Но ведь приходится... Эти вопросы решать политикам, – заметила Инна.

Воспитание

– ...У меня на стене висит фотография и две картины одного участка берега реки, но разных авторов. Я часто на них смотрю, сравниваю, пытаюсь понять, чем отличаются. Фото красивое, но какое-то неживое, чего-то в нем не хватает. Но чего? Вторая написана маслом. Прекрасная, очень тонкая, подробная работа. Классическая. Я очень ее люблю рассматривать. Но опять же мне в ней чего-то не достает. А третья – акварель. В этой картине душа то ли самой природы, то ли художника. Она с моей душой перекликается, в ней что-то мне близкое, глубоко личное, камерное. Она затягивает меня внутрь. Я там, на том берегу, среди кустов, в легком тумане... По мне так в ней есть чудо чувств и ощущений. Интересно, художник это сам понимает, чувствует хотя бы интуитивно?

– Думаю, да, – ответила Аня Инне.

– А в коридоре – печальный пейзаж. Одинокое дерево. Одинокая птица в серо-голубом предутреннем небе. Спокойная серая гладь воды...

– Хватит, надоело! – неожиданно взбрыкнула Жанна. (Что ее задело?)

– Что тебя раздражает? – удивилась Аня.

– Все! Я устала.

– ...Мы жили жизнью страны, ее радостями и победами в предчувствии чего-то значительного, великого. Не за деньги работали, ради осуществления мечты. Стремилась быть полезными, государственные приоритеты ставили выше личных. Мы не очень страдали от того, что чего-то не было в магазинах. Сейчас нет? Со временем будет! Москва не сразу строилась.

– Многого достигали за счет иллюзий и надуманного идеалистического энтузиазма.

– ...Бесславный конец эксперимента, длившегося семьдесят лет. Развал страны, ор идет... Жаль. Мы куда-то проваливаемся, сломав что-то нужное.

– ...Раньше на века строили, а теперь на десятилетия. В Италии сохранились здания времен Древнего Рима, периода правления императора Нерона. А Великая китайская стена? А наши храмы и дворцы? Забыли технологии, воруют?

– ...Мы ждем от Думы постановки перед правительством серьезных, глобальных вопросов, допустим, о сохранении лесов на всей территории страны... Два года депутаты не могут принять закон о курительных смесях. Страна теряет молодое поколение, его выкашивают яды, а они принимают законы о снятии кондиционеров с объектов культурного назначения или обсуждают еще что-то более мелкое. Текущие вопросы можно решать на уровне министерств. Иначе зачем нам эти структуры, эти нахлебники? Будь моя воля, давно бы разогнала все лишние «шарашки» или создала более дееспособные.

«Уже касались перестройки и проблем развития страны. Не дают они им покоя ни днем, ни ночью», – вздохнула Лена.

Аня, почувствовав паузу, тут же не преминула ухватиться за интересующую ее тему. Ей захотелось подискутировать или себя представить в новой «световой и цветовой гамме»?

– Заплатила я как-то за квартиру, а мне долг выставили в следующем месяце. Пришла на почту разбираться. Оказывается молоденькая оператор по недосмотру целый день «фуговала» деньги клиентов не на тот адрес. Я попросила девушку разобраться и вернуть мои кровные. Но

тут вышла ее начальница и сказала, что свои проблемы я должна решать сама. Я возмутилась: «Получается, ошибку вашего сотрудника обязаны исправлять десятки пострадавших? Каждый должен разыскивать организацию, объяснять ситуацию, добиваться возврата? Так вы учите молодое поколение ответственности?» И вы думаете, я чего-то добилась?

А как-то шла я этим летом в новый магазин и что же увидела? На пешеходной части тротуара уличное кафе строится.

– Совсем как в Париже! – восхитилась Жанна.

– Совсем да не совсем. Хозяин размахнулся так широко, что людям только узкий проход оставил. Вдвоем не разойтись. Для кого старался? Дальше пошла. Рядом со входом в магазин на плиточном тротуаре расположилась огромная импортная машина. Люди обходят ее или справа по мокрому после дождя газону или слева, буквально протискиваясь между витриной магазина и грязной угрожающе черной машиной, и тихонько поругивают нахала. Я подошла к шоферу и стала выговаривать ему, мол, не только о себе надо думать. Так он мне пригрозил: «Иди отсюда, бабка, пока бока тебе не намяли и ноги не переломали». Когда я через час возвращалась домой, машина с включенным мотором стояла на том же месте, терпеливо ожидая своего невоспитанного хозяина.

А вечером ко мне заскочила расстроенная подруга из соседнего дома и со слезами на глазах пожаловалась: «Вынесла я на крыльцо пять пятилитровых бутылей воды, чтобы полить цветы, которые для общей радости выращиваю перед своей многоэтажкой. Но тут меня знакомая женщина позвала. Она мне рассаду экзотических растений из своего сада принесла. А я еще подумала: «Ох, как бы эта развеселая компания, что устроилась на нашей лавочке, не набезобразничала, не разлила мою воду. Потому такая мысль мелькнула, что последнее время вокруг много плохого вижу. Но потом укорила себя, мол, разве можно без причины о людях плохо думать?»

– И что же? – насторожилась Инна.

– На асфальт всю воду вылили, а пластиковую тару ногами смяли и растоптали. И ведь видели, что старая, прихрамывающая женщина, кряхтя и спотыкаясь, по одной бутылки выносила и челноком переставляла на крыльце. Еще цветы поломали, некоторые с корнем выдернули. И все это за каких-то десять минут! И девочки в их компании были. Могли бы родных бабушек вспомнить и осадить своих ретивых кавалеров. И так соседке обидно было! А потом страшно стало. Без причины сделали пакость и сбежали. Что же от них дальше ждать? Кто их воспитал такими бессердечными?

– Прозаическая реальность, – констатировала Инна.

– Я вдруг подумала, что у Достоевского один герой чудовищнее другого, а общее впечатление: как велик человек! А тут какая-то мелкая злокозненность, гадкая примитивность ума...

– И в вере, и в деяниях своих... – поддержала Аню Жанна.

– О чем только они думают?

– Внутри нас был нравственный закон, наш стержень. Воспитывали нас правильно. А теперь столько всего... Кому-то удастся приспособиться, кто-то воюет, кто-то тонет... Когда трезво оцениваем свои недостатки, мы не любим себя, понимаем, как далеки от совершенства, к которому нас призывали. А тут такое...

Лена уткнулась лицом в подушку. Зевота буквально раздирала ей рот. Ей было интересно, но она смертельно устала и была уже не в состоянии подробно воспринимать услышанное.

Аня рассказывает:

– ...На днях выхожу я из автобуса. Передо мной красивая юная пара спускается. Молодой человек, естественно, помог своей спутнице. И вдруг мне протягивает руку. Я поразились, но подчинилась. Лет десять не знала подобного внимания от постороннего человека. Долго вслед

парочке смотрела. Они медленно шли, взявшись за руки. Он высокий, крепкого сложения, она маленькая, худенькая. А я стояла и думала: «Дети, будьте счастливы!»

– Увидеть бы их лет через десять, – в сомнении скривилась Инна.

– ...Как-то забирала внука-первоклассника из школы. На улице дождь. Родители сбились в кучку в тесном «предбаннике». Некоторые тут же пристроились на низенькой скамейке типа спортивной. Старичок-ветеран устал стоять и решил присесть в холле рядом с охранником. Тот стал выталкивать старика, мотивируя свои действия приказом директора не пускать посторонних, чтобы грязь не разносили.

– Он тупо и бездумно взял под козырек, потому что боялся потерять свое место. Не улыбалась ему такая перспектива. Безработица кругом, – прокомментировала ситуацию Инна.

– Женщины встали на защиту ветерана. А одна возмутилась: «В маленькой сельской школе нас учили уважать не только ветеранов войны, любого человека. Какой вы пример подадите ученикам? Вон мама пришла за первоклассником с грудным ребенком на руках. Почему она должна стоять с малышом на ветру под дождем, если есть огромный холл? Почему все терпят неуважение к себе? Чистые полы важнее человека? Их теперь выставляют напоказ. Придется вмешаться, поднять вопрос и, как говорится, ребром его поставить». Разрешила этот вопрос директор школы буквально в два дня. Проблемы как таковой не было, достаточно было подсказать. А перед другими школами я и по сей день вижу стоящих в любую погоду родителей, – сказала Жанна.

*

В компании двух педагогов – Ани и Жанны – разговор сам собой неизбежно свернул на проблемы семьи. Инна пробурчала: «Девочки, давайте эту тему пробросим пунктирно?» Она закрыла глаза и больше «не проявляла признаков жизни».

А Лена с улыбкой подумала: «Одноклассники и сокурсники на всю жизнь остаются друг для друга девочками и мальчиками».

– ...Отсутствие достойных отцов в семьях становится огромной проблемой нашего общества и не в последнюю очередь является причиной инфантильности некоторой части молодежи. А от инфантильности путь к дебильности... В данном случае она может возникать от постоянного контроля и ограждения детей от трудностей матерями, от урезонивания за самостоятельные дерзкие поступки. Лозунг «берегите мужчин» только ускорил процесс деградации сильной половины человечества и усилил их депрессивные состояния.

– Заботы о детях на матерях, а у отцов депрессия от легкой жизни? Это что-то новенькое! – прервала Аню Инна. – Твои представления ложны. Мужчины сами рады увильнуть от трудностей семейной жизни, а ты им психотерапевта в помощь призываешь.

– Но ведь не секрет, что лучшим антидепрессантом для людей являются улыбки самых близких и любимых, и в первую очередь детей, – не реагируя на ухмылку Инны, закончила Жанна Анин монолог.

– Ты не на трибуне. Но ты права. Лозунг «берегите мужчин», вброшенный с чьей-то легкой руки в жерло нашего общества, обернулся трагедией, – сказала Инна.

– Эта проблема семей во всем мире, – заметила Аня. – Только причины ее у нас другие.

Лена попыталась забыться сном. И, похоже, ей удалось немного подремать, потому что когда она очнулась, разговор уже перекинулся на другую тему.

– ...Кто знает, какими подбоает им быть, и на что они запрограммированы? – спросила Жанна.

– На их родителей оборотись и, не раздумывая, согласишься со мной, – ответила ей Аня. – С детьми из нормальных семей проблем в воспитании хватает по причине влияния внешней среды и слабостей характеров, а если родители имели вредные привычки, скажем, пили, воро-

вали, то трудности общения с ними возрастают на порядок, а то и в десятки раз. И результат не гарантирован. Что перетянет: неусыпный контроль, постоянные внушения или родословная и гены? В каждом из них столько всякого намешано! И не факт, что положительного окажется больше. А если они уже впитали в себя всю мерзость жизни своих подлых семей, как в них разбудить разумное, доброе, вечное? Чем увлечь? Как воодушевить? За ошибки взрослых они не только сердцем, всей своей судьбой платят. Я достаточно насмотрелась на такие семьи и на их детей в детдомах! – с неожиданным раздражением сказала Аня. – Требуется ежедневная, кропотливая работа. Таких детей приходится долго возвращать, чтобы они поверили, что твои слова не пустая говорильня, и тогда у них возникают минуты прозрения, внутри зарождаются позитивные росточки, которые когда-то расцветут. Эти дети должны осознать себя полноценными людьми. Вот тут и нужна им поддержка общества. Особенно после выхода их из детдома.

– Я бы теперь полностью не полагалась на государственную поддержку, – заметила Жанна.

– Даже в войну детдомам выделяли больше, чем кому-либо, – сказала Инна.

– Я не о деньгах, об отношении... Маленький ребенок слов может не осознать, а добрые руки почувствует и поймет, – пробурчала Аня, раздраженная непониманием подруг, и замолчала, нервно теребя торчащий на макушке непослушный хохолок.

– Нашего детдомовского человека просто так не убьешь, – пошутила Жанна. Она устала от негатива.

– Но и толку от него без серьезного воспитания мало. Только не заслонишь собой всех детей от жизненных невзгод, – возразила ей Инна.

– Не скажи, – не согласилась Аня.

– Нельзя дарить детдомовцам яркие надежды. Это слишком жестоко, – опять заметила Инна.

– Социальная интеграция в общество современных детдомовских детей очень сложная. Надо ежечасно подталкивать их к развитию, приучать к терпению, заставлять брать жизнь в свои руки, не падать духом. В мое время у детей не было ни капризов, ни запросов, но были мечты. А сейчас у них все наоборот.

Успех в жизни во многом зависит от того, кем детдомовцы чувствуют себя среди обычных людей. А они ощущают себя изгоями, потому что непорядочные пользуются их неопытностью и беспомощностью. Непригодными выпускники детдомов оказываются для реальной жизни. Какой с них спрос?.. А у некоторых глупышей по наивности грудь колесом, глаза бесстыжие, а за душой ничего – пустырь, поросший бурьяном. Эти заранее пропащие, сразу вляпываются в говно, а потом по тюрьмам потчуют друг друга обидами да угрозами, мол, зашибу мать вашу... налево. Да кому они нужны, сопливые. После детдомов их надо «вести» не один год. Учить общению, ответственному отношению к работе, защищать. Иначе будем иметь то, что имеем. Важно, кто явится для них знаковой фигурой. Я доходчиво говорю? – Это Аня выплеснула на подруг свою боль.

– Говорят, человек притягивает к себе таких, которые могут развить то, что в нем уже заложено. Если слабохарактерному ребенку и не встретится на жизненном пути плохой человек, все равно в нем, пусть хоть и медленно, но будет развиваться плохое, – заявила Инна.

– Хорошее надо вбивать, втолковывать, а гадкое само прилипает, только успевай отбиваться и отмываться. Быстро нахватываются дети гадких уличных понятий.

«Мила рассказывала, что одно Анино присутствие действует на детей умиротворяюще, заставляет быть лучше. Хулиганов она не ругает, а просто говорит: «Полегче на поворотах». Как ей удастся их усмирять? Она же такой... воробышек. Любовь ее к себе чувствуют?» – предположила Лена.

– Когда же, наконец, наши «самые свободные и самые регулируемые СМИ» повернутся лицом к проблемам семьи и детей? Я у столькох чиновников перебивала...

– Похвально! Замечаешь какие-то подвижки в этом вопросе? – спросила Инна.

Аня вяло повела плечами.

– В первую очередь сегодняшних домашних детей не надо упускать, чтобы завтра не пришлось маяться с так называемыми отбросами общества. С пеленок воспитывать, постоянно наставлять незрелые души на путь истинный, чтобы некого было судить, сажать в тюрьмы и отправлять в детдома, – сказала Жанна.

– Жизнь дает только шансы, но не рецепты верного выбора, – заметила Инна.

– Дети такие, какими мы позволяем им быть. Почему дети шумят, вредничают? Внимания хотят. А почему они бывают хулиганистыми? Потому что их энергию вовремя не направили на полезные дела. Меня беспокоит вопрос: «Готовы ли будут наши внуки служить родине, защищать ее границы, как это делали их отцы и деды? Правильно ли они понимают слова Евтушенко: «Если будет Россия, значит, буду и я». Меня пугает, что американская молодежь рыщет по России, – сказала Аня.

– Вроде бы с благими намерениями, о религии говорят, – подсказала Жанна.

– А на что нам их религия, призывающая не сопротивляться? Мне как-то не очень верится их искренне-наивным лицам, этим маскам. У Америки аппетиты – вся планета, – ошентилась Аня. – Диккенс еще в девятнадцатом веке писал, что «миссия Америки – опошлить всю Вселенную». Я панически боюсь...

– Маниакальная трусость? Чудо в перьях! – рассмеялась Инна.

– Сейчас люди по-другому стали мыслить. Даже маленький ребенок смотрит, допустим, в окно и видит иное, чем мы в его возрасте.

Инна взглянула на Аню без эмоций, явно не вникая и не понимая всей важности ее тезиса.

– Еду я вчера в автобусе. Около меня стоит полный мальчик лет десяти и тихонько ноет, что нет свободных мест, и к худенькой матери жметесь, буквально наваливается на нее. Она его успокаивает, по головке гладит. Я встаю и тихо говорю парнишке: «Расти мужчиной, маме место уступи». Он смутился, маму стал подталкивать к креслу. Она искренне и растроганно обрадовалась этому и села. Мальчик улыбнулся. Что-то в нем проснулось... Заласканный, изнеженный он, может быть, впервые ощутил себя чуточку взрослым и это, похоже, ему понравилось.

– Может, улыбку мальчишки ты поняла как-то на свой лад и зря твою грудь распирает прекрасная вера? Ну что, съела! – Инна усомнилась в выводе Ани.

– Фома неверующий. Аня на детской психологии собаку съела. Она мимику лица соотносит с душой лучше всякого физиономиста или глухонемого, – уважительно сказала Жанна. И добавила для убедительности: «Валя мне писала».

– Вообразила себя Песталоцци или даже Фрейдом? Высоко вознеслась! Нарушаешь их правила игры или свои внедряешь? Ты же у нас особенная. Бог тебя сотворил, а форму выбросил, чтобы тебе подобных больше не было. Какая ты у нас умная! Мыслям тесно? Мозги на черепушку не давят, не распирают ее? Обнаруживаю удивительное несоответствие усилий и результата, – продолжила ехидничать Инна.

– Иногда достаточно человека натолкнуть на доброе, а дальше он уже сам сообразит, что к чему. Знала я одну нервную особу. Очень она уставала, потому что одна воспитывала сына. Орала на него, когда он уроки делал, книги швыряла. Ни сил, ни терпения у нее не хватало. До бессознательной ярости доходила, бедняжка. Как-то я не выдержала и сказала ей: «Ты же из ребенка неврастеника вырастишь». И она будто очнулась, взглянула на себя со стороны и преобразилась. Потом мне рассказывала, что как только ее псих начинал разбираться, она мои

слова вспоминала и ей до слез стыдно становилось. И я радовалась, что не пренебрегла мамаша моим советом, – привела конкретный воспитательный пример Аня.

– Укротила! Ангел во плоти. Иконы с тебя еще не пишут? Не сходишь с ума от собственной правильности? Никогда не испытываешь недовольства собой, не чувствуешь уязвления профессиональной гордости? А как насчет поэзии жизни, полета фантазии? Сколько разных интонаций, сколько смыслов!.. Ха! В данном случае я наблюдаю полное соответствие желаний и возможностей? Ты говорила о силе воли или о силе любви той женщины?

– Сама выбирай, – ответила Аня, не удивившись вопросу. И подумала: «Только исключительное чувство такта подруг может оставить Инну в счастливом заблуждении на свой счет».

– Пользуясь случаем, поведаю вам просто сказочную историю! – сказала Жанна. – Я наблюдала за одним детдомовским мальчиком. Гением хирурга он остался жив. Потом мучительно долго выздоравливал. Трехлетний ребенок покорно нес свой крест. Он уже многое понимал и часто уходил в боль и в осознание своего несчастья. Что ожидало его в дальнейшем? И вдруг на него обратила внимание одна прекрасная уже немолодая пара, вырастившая своих детей. «С этим нельзя жить», – сказали они и взяли этого мальчика к себе. Теперь он их бесконечно любящий сын. Он такой бесшабашный и обаятельный. Ведь его жизнь – сплошной фейерверк положительных эмоций! Болезнь еще от него полностью не отступила, но улучшение явное. Может, в глубине души мальчик до сих пор не верит в свое счастье и боится его потерять... Счастье – это не материальное благополучие. Семья эта живет на пенсию, но в ней есть гармоничное слияние душ, любовь, умение жить с радостью. Они – люди солнца. Они всегда радуются, будто у них совсем нет проблем. Это надо же так уметь жить!

«Сколько бессонных ночей посвятили мои подруги мечтам о счастье?» – подумалось вдруг Жанне. И при мысли о муже, у нее под сердцем вмиг потеплело.

– Отцы должны больше времени проводить с детьми, ведь общение с ними – чудо! Конечно, маленьких детей растить трудно, но зато как интересно! Одно время считалось: внушай ребенку и из него вырастет хороший человек. Этого мало. Ребенок должен видеть поступки отца, между ними должна образовываться духовная и эмоциональная связь. Отец не должен все запрещать и обязан говорить детям: «Сами ищите свой путь. Раскрытость судьбе предоставит вам огромные возможности, но не распыляйтесь, не разбрасывайтесь», – с серьезным видом продекларировала Аня. (Опять прописные истины преподносит.) – В моем раннем детстве, до детдома, дедушка и бабушка показывали мне мир гармонии, скрывали трудности, свое недовольство чем-то, потому что уныние считали грехом, не областью правды Господней. И для меня важен был их общий стол, их забота и любовь.

– Им приходилось отвечать за каждое произнесенное слово... К тому же представления детей сиюминутны, – заметила Инна.

– Мои врезались на всю жизнь.

– Раньше рано взрослели – в четырнадцать-пятнадцать лет, а теперь после двадцати, – подправила свое мнение Инна.

Банки

– ...Нам все время внушают, что мы хотели этот капитализм. Разве нас спрашивали?

– ...Насилие нельзя оправдать, под каким бы флагом оно не совершалось... Хочется прозрачного понимания сути происходящих событий.

– ...Сегодня, как и прежде, но в большей степени, власти на местах норовят обмануть. У нас в порядке вещей, когда кругом притворство, коварство. И все это будто бы в угоду текущему политическому моменту. Недавно в нашем городе, самый надежный, как утверждали чиновники, банк «опустил» всех участвующих в нем предпринимателей, на бабки развел. Как бы «возложил» на них ответственность за свои неудачи и промахи, и сам приказал долго жить.

А ведь был на особом счету руководства. По иронии судьбы мои друзья в него вложились, а главное, свои предпринимательские счета там держали, – сообщила Жанна.

– Они по неопытности не почувствовали приближения краха и не успели вовремя «соскочить» или тоже верили в его неизбежность? Ой, плакали их денежки! Факт, – безжалостно заявила Инна.

– Как это лопнул? Банки, я слышала, приносят высокие дивиденды, говорят, они отмыывают деньги и на золоте сидят. А их кредиты – это удавки для простого народа. – Распираемая любопытством, Аня даже приподнялась на локте.

– Руководитель банк обанкротил доверчивых предпринимателей, по миру их пустил. О чем и уведомил. Чтоб он подавился этими деньгами! Ловко молчком обстряпал свои делишки. Честных тружеников обошел, в дураках оставил и сидит себе в обе дырки посапывает. А у простых людей руки опустились, чувство безнадежности и жизненной непригодности возникло. Вот ведь напасть! Недаром, видно, банк и банкрот однокоренные слова, – эмоционально высказалась Жанна.

– В старину говорили, что деньги идут к деньгам, вот банкир их и добавил к своим, уже имеющимся, – необоснованно предположила Аня.

– Такие вот типчики и страну обваливают в кризисы, – выступила на ее стороне Инна.

– Обжулил людей с разным жизненным багажом. На корню загубил их надежды. В таких играх крайними всегда бывают небогатые люди. Обидно за просто так отдавать свои кровные деньги. Насмарку годы трудов, нервов, – сочувственно отозвалась Аня. – Банкир, наверное, тоже рисковал? По старым меркам риск должен быть благородным и бескорыстным, тогда он заслуживает восхищения. А тут прямой грабеж.

– Нашла о чем вспоминать в наше злое и бесстыдное время! Кругом сокрушительные размеры воровства, банкротство предприятий теперь рядовое событие, а тут еще и банкам доверять нельзя. Хозяин банка, небось, намылился драпануть за границу швыряться чужими деньгами. Выдворять бы их таких за пределы страны нагишом. Самые главные враги перестройки те, которые используют ее в своих личных целях, – возмущенно заявила Жанна.

– Знать и этот банк под кем-то... – тихо пробурчала Инна.

– Слышала, будто сам убыл, прихватив всю наличку. Так сказать, денежки были ваши, стали наши. О нем теперь ни слуху, ни духу. Следы успел замести.

– Наверное, в США получил приют. Туда берут только тех, кто с большими деньгами или с умной головой. Нищих и дураков не принимают, – прокомментировала слова Жанны Аня.

– И ему рукоплещет Америка за то, что он все силы отдал делу разграбления России. «В отставку, в глушь... в Нью-Йорк!» – рассмеялась Инна.

– Хотя бы часть на благотворительность оставил.

– Чтобы ты понимала! Благотворительность – один из самых коротких путей к благосостоянию. Еще один штрих к портрету современной России, – недовольно хмыкнула Инна. – Через эти фонды прокачиваются огромные деньги. Я этот вопрос досконально изучила. Тебе растолковать с примерами?

– В следующий раз – с вызовом ответила Аня, но добавила с грустью:

– И в банках жулик на жулике. Захлестнула страну лавина воря и воронья.

– Так ведь капитализм. Другие боги, новая система регламентаций и политкорректности, в которой много лжи... Она теперь – доминанта нашей жизни... – пробормотала Жанна.

– Мы тоже в какой-то мере сформированы насилием, памятью о Сталине, – нервно заметила Аня.

– Чудовищная преемственность? Наслышана. «Чтобы увидеть будущее, надо пройти уничижительное прошлое, осмыслить его и прийти к необходимости его уничтожения». Надо понимать и помнить прошлое во имя настоящего и будущего, потому что в конце одной эпохи все-

гда пребывает начало другой...» Будущее не всегда выигрывает перед прошлым? – спросила Жанна.

– Какая тебе разница государством или бандитами совершается отъем денег? Всё одно. Нищие теперь твои знакомые? Поторопились выиграть жизнь, разбогатеть и пожить с купеческим шиком? Обозначили себя и вот... – насмешливо щипнула Инна Жанну.

– Так ведь честным трудом, а не воровством или перепродажей, – зло огрызнулась та.

– Положение дел в стране не утешает. Но какой-то чернушно-пессимистичный привкус у этой истории. Зачем все вокруг себя мазать грязью? – осторожно спросила Аня.

– Чтобы бороться со всякой мразью, мешающей отстраивать страну, разрушенную слишком ретивыми и подлыми чиновниками и дельцами, распродающими за гроши наши заводы иностранцам. Торговать своей Родиной! Россией! Обирать свой народ! Я бы таких гадов расстреливала, – грозно отреагировала Инна.

– Может, всё сплетни про то, что банкир свалил на Запад? Наверняка, кто-то плетет против него ловкие интриги. Нам ли, непосвященным, вторгаться в эту чрезвычайно опасную сферу человеческой деятельности? Инна, ты и в лучшие времена не упускала случая указать на безобразные стороны жизни, у тебя определенно к этому талант. Нет, чтобы хорошее замечать, – опять подключилась к разговору Аня.

Инна с Леной переглянулись. Видно, обе подумали об одном и том же: «Неисправимо наивная».

– Погодите, может, его самого взашей вытолкали? Я бы поостереглась повторять сплетни. Людская молва, что морская волна, любой мусор разносит. А вдруг есть надежда, что выплатит? – неуверенно предположила Аня.

– Ха! Держи карман шире. Как масть пойдет, как карта ляжет? Такие «предвидения» прорицателям не прощают. Окстись, подруга! Это называется завышенными социальными ожиданиями. Не для того рушил, чтобы долги простым людям выплачивать. Дырку от бублика они получают. Не станет он считаться с нуждами мелких предпринимателей. Они для него букашки: раздавит и дальше пойдет. Говорил, мол, «сами подставились, выбрав этот банк. Никто их за уши в него не тасил. Банкротство – обычная практика ведения таких дел: «Некоторые обстоятельства вынуждают прибегать к действиям для нас совершенно нехарактерным».

Какое уж там наведение мостов, если он паразит. Как говорится: судьба то дарит кому-то шанс, то забирает... то обнадеживающе улыбается, то издевательски хохочет тебе в след, – сумрачно объяснила свою точку зрения Жанна.

– В голове не укладывается. Вздуть бы его, да руки не дотянутся.

– Ты права, Аня, сто раз права, – вздохнула Жанна.

– Недооценили твои друзья «способностей» своего банкира. Ха! «Сильная, гибкая личность». Гибкость – это мудрость и хитрость, если она служит благим делам. Был оглушительный скандал в прессе? – спросила Инна.

– Если бы-то. В том-то и беда, что все тишком обтяпал. перевел честных активных тружеников на новый, более низкий уровень жизни и в ус не дует. Отдыхает себе где-нибудь у теплого моря, с жиру бесится в дорогих ресторанах, где экзотические блюда «приправлены» многочисленными культурно-развлекающими знаменитостями... Сколько народных денег на ветер бросают такие вот, с позволения сказать, «благодетели»! Потратят деньги не по назначению и спишут в убыток. А потом снова набежит капиталец... и «все опять повторится сначала».

– А нам не доводилось там бывать. Завидки берут. Живут же люди! – привычно мимоходом пошутила Инна, вызвав у Жанны минутную неприязнь.

– Эффектная пауза! – не преминула удивиться Инна.

Жанна с лету постаралась исправить ситуацию, вернув разговор к проблемам своих друзей:

– Вот и ломают теперь голову обворованные предприниматели, пытаюсь воедино собрать разрозненную мозаику информации последних лет, чтобы понять, что там такое непонятное в банках химичат, какую игру ведут, что у них на уме? И кто бы им подсказал, кому верить, а кому нет?

– Не говори! Живем как на пороховой бочке. Не знаем, какой сюрприз нас ждет завтра. Я не пугаю, не предрекаю, а констатирую, – усмехнулась Инна.

– Ой, что будет! – охнула Аня.

– Будет ли что? – сказала Жанна и удивилась неожиданно получившейся игре слов.

– А я чую аферистов за версту, узнаю с полувзгляда. Ни разу в их сети не попала, даже в дефолт, который всех нас и без тог нищих, обнулил и уравнил, – похвалила себя Инна. – Хрен им с маслом, а не мои деньги. Не накину на «бедность». Поделиться соображениями? Провести разъяснительную беседу? Я их трачу.

– Возгордилась? Как приятно сознавать, что ты хитрее, – подколола ее Жанна. – Молодежь исключительно податлива на рекламу, вот и ловятся на ее «липучки», как мухи. Мне Коля всегда напоминает: «Всех внимательно выслушивай, а делай, как сердце велит. Оно тебя никогда не подводит».

– И ты скорее легкой рысью припустила... подальше от банков. И, верю, что не прогадала. Да еще и с помпой обставила свой уход. Не посрамила семьи.

– Да. Я никогда ни у кого не занимала денег и сама в долг много не давала, чтобы не попадать в зависимость, – ответила Жанна Инне.

– Чужого не брала, своего не отдавала. Раньше была против всех, а теперь еще против всего? – снова попыталась пошутить Инна. Но подруги не повелись. Настрой был слишком серьезный.

– Посмотри фактам в лицо: банки деньги лопатой гребут, но не брезгают отнять у бедного человека последнее. Бес наживы их съедает. Никогда не заполнить их необъятную прорву. Легковерных стариков особенно жалко.

– Не считай деньги в чужих карманах, свои надо иметь. Люди сами виноваты. Кредиты не надо брать. Жить не по средствам, в долг – самое последнее дело, – жестко осадил Аню Инна.

– Директор банка – до неприличия богат, миллионер, в недавнем прошлом партийная шишка. Небось, на махинациях наварил свой капитал и «выбился в люди», – обиженно забуктела Аня.

– А ты хотела, чтобы банкир ходил в рубище и «отдыхал» на шести сотках пятой точкой кверху?

– Может, он и до перестройки жил как подпольный миллионер Корейка, – подпела Инне Жанна. – Ну как же! Голубая кровь. Прохиндей чертов. Какого рожна ему еще надо? Говорят, его специально к нам пригласили работать, после того как он устроил крах нескольких банков у себя на родине. Наверняка все ходы-выходы знает, всеми жульническими юридическими приемами владеет. Вот так и рождаются сильные мира сего.

– И кому это понадобилось? – спросила Аня у Инны.

– Не знаю, врать не стану.

– Прозрачно намекаешь на то, что «успех» директора банка приписываешь властям?

– Некоторые острые вопросы предпочитают обходить, – рассмеялась Инна.

– А я допускаю. Отчасти. Позвали, чтобы привнес новое... – предположила Жанна.

– Опыт у шулера решили перенять? – скептически хмыкнула Инна.

– Не исключаю. «Нет ничего нового под солнцем», – сказано в Святом Писании. Удавку намеренно вместе готовили. Все заранее рассчитали, – обижено сказала Жанна. – Все их обещания – фуффло. Извините за выражение.

Деньги банкир не выдавал предпринимателям, копил, говорил, что банк переживает некоторые затруднения. Мол, счета «заморожены», но мера эта временная. Простите, подо-

ждите, пожалуйста. Как только, так сразу... Чертовски был мил и обходителен. Сама добропорядочность. А сам копил народные деньги. Теперь ничего не докажешь. Уплыли мани в неизвестном направлении. Все клиенты в разной степени, но погорели.

– Все ли? В какой сумме это выразилось для твоих друзей? – поинтересовалась Инна.

– В триста тысяч.

– Какие деньжищи! Не хило для начинающих провинциальных предпринимателей.

– Вот то-то и оно. Хотя по столичным меркам это мелочь.

– И во что это вылилось? – спросила Аня, нервно трясая ногой, переброшенной через другую, согнутую в колене.

«Смотри, как ее задело, – отметила про себя Лена. – Свои в чем-то промахи и потери были?»

– В полный крах фирмы и надежд на скромное, но безбедное существование. Вляпались в дерьмо обеими ногами. А тут еще откаты чиновникам задавили... Без денег все у них как-то быстро посыпалось, стало разваливаться.

– Быстро ни в творчестве, ни в любви хорошо не бывает. А в разрушении – всегда пожалуйста. – Инна шуткой попыталась сбить серьезный настрой Жанны.

– Руководитель фирмы «сошел с дистанции», – не среагировала та, продолжив жаловаться.

– Ушел на пенсию или вообще?.. – напряглась Аня.

– Продал «гачку», то бишь машину, а долги не перекрыл. Они только множатся. Конец пришел его «великим» замыслам на расширение и модернизацию. Не дано им осуществиться. Не облагодетельствовал он родной народ своей дешевой продукцией. Теперь сам перебивается случайными заработками. Вот так мы растим и поддерживаем плеяду честных и активных...

– Кажется, Марии Антуанетте принадлежат слова: «Нет хлеба? Пусть едят пирожные», – усмехнулась Инна. – И познакомились они с миром городского дна, и превратились в «нищобродов».

– Будет тебе ехидничать. Не опустились, не спились. Только дело своей жизни свернули. Жалко хороших людей, тружеников. С нуля начинали, не раз пояса потуже затягивали во имя мечты. И на тебе...

– Нравится или нет, но придется им привыкать думать головой по-новому. Эмоции часто не сходятся с разумом. Душа яркая, а дел мало. Меня не оставляет изумление перед неправдоподобной наивностью нашего народа и его искренней верой в «верхи», погружающих всех нас в атмосферу «благоденствия». Эти советские качества не поддаются моему пониманию. А может, за этим стоит беспомощность, беззаботность, бесхарактерность и так далее?.. И главное – беззубость и юридическая безграмотность. Работать умеем, а защищать нас Пушкин будет? На суды надеемся? Так они сами...

– Опять ты за свое. Хватит трюндеть. Устала от негатива, – вздернулась Аня.

– Блатные, наверное, успели свои деньги вынуть? – с мстительной ненавистью спросила Инна.

– Как водится. Они-то всегда уцелеют. Не хочется углубляться в эту проблему... хотя отголоски этой истории еще долго будут звучать в головах обманутых, – ответила Жанна.

– Челюсти судорогой им сводит от злости? Так и хочется познакомить виновника бед с красотами клокочущей преисподней? Пусть соберутся с духом и быстро без проволочек... поквитаются, – с ласково-ехидным сочувствием подсказала Инна.

– Тебя бы так по кумполу. Да пошла ты...

– Ты мыслишь как обыватель.

– А ты, если быть откровенной, как... как фантазерка.

– Твои знакомые лопухи и раззявы, лажанулись как совки, пустили дело на самотек и «крыша» им не помогла? А честная милиция? Она-то, небось, тут как тут?

– Не кривляйся. А она здесь каким боком? Ей всё до фени. Она от таких случаев ограться не может, – вздохнула Жанна, красноречиво демонстрируя свое отношение к блюстителям порядка. Однако больше высказываться не стала, не готова была к обнародованию своего мнения.

– Что она вообще может? – спросила Аня несколько более резким тоном, чем намеревалась.

– Как же, сейчас все под бандитами или ментами ходят. И те и другие – маргинальные структуры, отличающиеся явной продуманностью и подготовленностью своих действий. Наверное, это о чем-то да говорит. Так к кому, Жанна, твои друзья склонились?

– Ни к кому. Наверное, не сочли нужным, чтобы не стать ровень с подлецами, – слишком поспешно ответила Жанна, вспомнив свои какие-то еще доперестроечные, печальные моменты общения с правоохранительными органами.

Но Инна быстро вернула ее из прошлого в настоящее:

– А может, поняли, что те в одной связке, что всё бесполезно? В этом что-то есть. Только откуда у тебя такие подробности о подобных делах? Я о крыше.

– Еще одних моих знакомых тоже на крупную сумму нагрели.

– А с виду, небось, умные?

Жанна попыталась остаться невозмутимой и продолжила с грустью:

– Они лишились бизнеса, который много лет с таким трудом налаживали. Только-только вроде бы крепко на ноги встали, понадеялись что затраты с лихвой окупятся... и тоже оказались беззащитными перед свершившимся фактом. Сдуру обратились... теперь успели сто раз пожалеть о содеянном. На крючке оказались. Как обухом по голове... ошарашивающий эффект... Вот вам и поддержка... И чего теперь искать-рыскать? А еще сравнительно недавно верили. Даже при самых благоприятных стечениях обстоятельств не выбраться им из долговой ямы.

– Малый бизнес, если он честный, дело хлопотное и мало денежное, – заметила Инна.

– И еще одни наши друзья попытались, но дела не пошли. Разорились. Внезапно их жизнь непоправимо покатила под откос. Душа у меня за них не на месте. Хотелось бы поспособствовать, но не знаю, как за это дело взяться, как подступиться? Да и что я могу, кроме как помочь их детям с уроками, пока они бегают по судам. Испрашивать милости у Бога? А потом еще их квартиру воры обнесли. Кошмар! Слава Богу, обошлось без смертей и увечий. Бандиты – пособники олигархов.

Никто из присутствующих не смог подобрать сколько-нибудь веского возражения. Только Инна, не моргнув глазом, быстро нашла в литературе причину происходящего в нашей экономике кошмара:

– А все почему: «Шагнула дерзко за предел нас отравившая свобода». Есенин, между прочим. Вот так-то. Забыли, что свобода – это длина цепи, которую мы можем себе позволить. Степень своей свободы мы сами себе выбираем.

– И все сразу разъяснилось, – горько-иронично заметила Жанна. – Не получится у моих знакомых подняться, тут нечего и думать. Отделаются от них, не откладывая в долгий ящик, это как пить дать.

«Хотя нет, – мысленно поправила она себя. – Скорее всего, обещать будут, тянуть резину, пока люди совсем не разуверятся и сами не махнут на все рукой. И вопросы сами собой отпадут. Так сказать, по привычке дело на тормозах спустят. В любом случае некому будет банкира поставить на место, некому с ним поквитаться. Тем более, что у него все схвачено, а законы не работают. Ах, наше светлое прошлое!.. Мы-то уже отработанный материал. Я, если бы разжилась деньжат, не рискнула вкладываться».

– А еще эта смычка спецслужб с преступниками... – слегка зардевшись, поддакнула Аня. – Иначе откуда бы брались у банкиров капиталы, превосходящие все мыслимые и немис-

лимые цифры? Наверное, кое-что и их «коллегам» перепадает. Воровские законы «традиционно» требуют делиться. Я фильмов про мафию насмотрелась. Можно подумать – согласно их зарплате, – что все они работают по двести сорок часов в сутки.

– Каков расклад, таков и оклад, – хмыкнула Инна.

– Они кровь сосут из нас и из экономики страны, и будут продолжать ее выкачивать. Все им мало, – со злостью обиженного вкладчика продолжала Жанна.

– О, это уже диагноз, – саркастически рассмеялась Инна.

– «Им ли выедать свои сердца стыдом?» Они не чувствуют душевного и духовного голода. Они сыты деньгами. Это их ты считаешь продвинутым поколением? – насмешливо заметила Аня. – Раньше мы таких дельцов считали омерзительной массой хитрых приспособленцев, несовместимых с социалистической моралью. А теперь мы восторгаемся, когда милосердие вдруг постучится в сердце кого-то из них и он «отвалит» на благотворительность... крохи из того, что у нас же своровал. Понимаю, олигарх отнимает у тех, кто у него работает, и отдает другим, более несчастным, например, безработным. Но я признаю благотворительность артистов, дающих бесплатные концерты, писателей, которые раздают свои книги. Там всё по-честному.

– Ворованными деньгами тоже надо уметь распорядиться. Знала я тут одного. Пять лет по шею в золоте купался, валюту чемоданами носил – я сама видела, – да разорился. А все потому, что возгордился, расплевался со своими прежними друзьями, – сказала Жанна.

– Надо было отстегивать каждому, – не то в шутку, не то всерьез сказала Инна. – Мы презирали частную собственность потому, что не имели ее. Помнишь шутку Евгения: «Мишка среди нас самый добрый, потому что ему нечего отдавать, нечем делиться».

Но Жанну уже волновали другие масштабные процессы:

– До перестройки рядом с моим домом был прекрасный приборостроительный завод – между прочим, таких по Союзу было по пальцам пересчитать, – а теперь на его месте банк развлекательный центр построил. Пляши – не хочу. Сотни рабочих высокой квалификации остались за забором, а им хоть бы хны.

– Я обнаружила другую интересную тенденцию: сначала «развлекаловка», игровые автоматы, может даже наркотики, а уж потом на этом месте банки вырастают. Сечешь? Анята, что ты обалдело тарачишь глаза? Прошлапила, пропустила решающий момент, а то бы прикупила себе пару островов... или хотя бы евроремонт сделала в своей «резиденции», в хрущевке-«однушке». Не сумела, испугалась, не совладала с собой, а теперь совсем затосковала? Этого не было с нами в другой жизни? Ну и что? Не мутить воду? Ныть – это так по-русски, – с презрительно-уничтожающей интонацией заметила Инна. – Кровь в основном льется в переходный, переломный период. Это естественный процесс становления капиталистических отношений. Точка бифуркации очень чувствительна к внешним воздействиям: можно вправо или влево уйти. Тут главное не зевать.

– Что ты несешь! Желтой прессы начиталась? Коррупцировано грабить, воровать, пробрасываться миллионами – это нормально?.. Но не в таких же масштабах... И все потому, что лишены веры в Бога, – с кокой-то болезненно-обидчивой интонацией в голосе заявила Жанна.

– Не прерывай меня. В этом ли наше несчастье? Я думаю, в глупости. Америка – религиозная страна, но это не мешает ее миллионерам затевать войны и становиться миллиардерами. Сейчас наш народ лишен веры в порядочного человека. Мы из той эпохи, в которой ценилась честность и милосердие. Но мы не варвары и должны все свое и чужое лучшее перенести в свое новое время. Надо, чтобы наше великое прошлое служило настоящему и будущему. Когда мы вспоминаем древний и средневековый Рим, то понимаем, что главное в нем – не гладиаторы, а великие художники эпохи Возрождения.

Мы пока находимся в непредсказуемой ситуации. Нам американцы доказывают, что судьбы складываются из микрослучайностей и из везения.

- И что весть мир тоже, – поддакнула Инне Аня.
- И что в том хорошего? Куда он катится? – спросила Жанна.
- Вопрос в другом: нам нужно что-то, что определило бы главное... – неуверенно пискнула Аня.
- Опять философствуешь, рисуешься?
- Аня не решилась продолжать.

– Я ненавижу насилие, но не вижу способа мирного сосуществования с подлецами. Иной раз кажется, что так бы и разрядила револьвер в того гада! Кинул, надул, довел до краха. Что обманутым осталось, если не преуспели: расстраиваться до предела, предаваться отчаянию, задаваться вопросом «почему»? – вышла из себя Аня.

– Ты опять о банкире? Проникнись смирением, – усмехнулась Инна. – Теперь каждый сам за себя. Надо учиться сходить с нужными людьми, договариваться.

– Больно ты нужна кому-то нищая.

– Если есть голова, то нужна.

– Один мой знакомый получил патент на прибор, которым пользовались студенты нескольких поколений. Говорил, что раз никто до меня этого не сделал, значит, я имею право. Хитер, братец Лис. Весь «обклеился» патентами и изобретениями!

– Чего-чего, а это мы умеем! – фыркнула Инна. Но голос ее заметно дрогнул. – А ты знаешь, как у нас разные конкурсы на определенные виды работ выигрываются? Очень просто. Организует кто-то очень хитрый две фирмы. Одна мало денег за работу просит, а другая еще меньше. Затем она отменяет всех претендентов и конкурирует только с самой собой. Беспроигрышная отработанная схема. А потом выжимает из договора максимум, делая для заказчика минимум. Тратится в основном на взятки чиновникам. Я по радио слышала.

На лице Ани отразился сложный мыслительный процесс переваривания информации.

– Созидательности в нашем народе мало. Отнять, присвоить, потратить... У моей знакомой подруга из-под носа увела заказчиков. Пошла на откровенный обман. Любым способом спешила урвать... А та почитала ее чуть ли не за сестру. И теперь между ними дистанция огромного размера, – с огорчением припомнила Жанна.

«Может мне подсказать и обозначить другую тему? А то они с этой не скоро соскочат», – задумалась Лена.

– И кто ей виноват? Есть негласное правило: предприятие должно оставаться в руках одного человека. Если соучредитель дурак, так от него пользы мало, одни расходы, а если умный, то ворует и ждет момента, чтобы захватить власть. Простая арифметика. Так уж заведено в мире: дружба дружбой, а денежки врозь. А твоя знакомая фея с лазурных небес на грешную землю спустилась? Основопологающей причиной этих явлений я считаю...

Аня перебила Инну:

– Говорят, у нас одного такого больно умного соучредителя недавно закатали в асфальт. Не хотел делиться. Кто заказал – поди их теперь разбери. Одни ищут в этом деле след Москвы, другие утверждает, что он из Закавказья тянется.

– Не надо об этом. Переспорить одни других могут, а вот переубедить не всегда получается, – чему-то только ей понятному усмехнулась Инна. И ловко сменила тему.

– Друзья те, кто в несчастье рядом с тобой. Не все заточены на уничтожение всего советского. Мы в чистом виде люди оттепели. Многие из нас по-прежнему живут в старом мире, в новом им не находится места.

– И память прошлых лет скромного существования – когда бедность не считалась грехом, когда все мы шли ноздря в ноздю – кому-то отравляет жизнь, кого-то поддерживает. Нас не мучила перспектива потерять богатство, которого не имели. Много во взаимоотношениях обеспечивалось чувством товарищества. Разве это обстоятельство не говорит в пользу соци-

ализма? – поставила риторический вопрос Аня. – Вектор жизни изменился, а новую идеологию еще не придумали, вот и копаемся в прошлом. Там много было интересных экспериментов. Что-либо сгодится и на сегодня, на первое время, пока отладят новую государственную машину... подавления. А мы тут со своими аллюзиями и набором претензий...

– Хочешь вытащить из нафталинового забвения милую сердцу идеологию? Не знаешь, по каким законам жить, ради чего жить? Оглядываясь назад, не превратиться бы в соляной столб. Нервы в этом плане не пошаливают? – спросила Инна скучным голосом.

– Только не у меня. Я как-то еще до перестройки спросила одного моего близкого друга, почему он не рвется в начальники, а он мне ответил, что знает свой потолок, выше которого его не пустят.

– А теперь пустят? Ну, если только успел наворовать, – усмехнулась Инна.

– Богатство – не грех. Грешным бывает отношение к богатству, – неожиданно четко сформулировала свою позицию по этому больному вопросу Жанна.

– И не важно, как оно было приобретено?

– Аня, ты у нас всегда за торжество справедливости. Честность не очень популярна в современном обществе. И в семьях, и в масштабах всей страны. О, этот сумасшедший издерганный мир! Один священник мне сказал: «Мир справедливости – ад, мир любви – рай».

У меня создалось стойкое впечатление, что ты собираешься повторить «подвиги» террористов-народников, единственный в мире памятник которым я в юности имела честь лицезреть, будучи в гостях в славном граде Липецке. (Достопримечательность!) Сколько ни стреляй этих банкиров и олигархов – их на всех нас хватит, да еще и останутся. Бесперспективное это дело. Хотя, конечно, в любом государстве вопрос борьбы никогда не будет снят с повестки дня. История всегда развивалась скачками, революциями, – сказала Жанна.

И прибавила сурово, с совершенно не характерной для нее жесткостью:

– По неподтвержденным пока слухам процесс намеренного банкротства банков и рейдерские захваты предприятий будет продолжаться. Мои друзья «первые жертвы», первые солдаты финансовой перестройки, точнее перераспределения. Вот как все обстоит на самом деле. Мы не готовы к такому развитию событий. Я слышу голос разграбленной истерзанной страны... Такой вот ренессанс.

Инна с подозрением, но с мимолетным интересом посмотрела на Жанну. Потом обвела всех взглядом победителя:

– Я это уже предсказывала. Капиталистический мир в принципе не может быть справедливым и стабильным. Попомните мои слова... Забыли, как я предрекала скорый конец власти стариков-марзаматиков?

– Не заносись. Ты вообще сомневаешься в безоблачном будущем человечества? – Удивилась Жанна.

– Учитывая уроки истории, – да. Я исхожу из того, что цивилизации развиваются, достигают своего апогея, гибнут и опять возрождаются. Так весь мир устроен. Ничто не вечно под луной.

– И это будет что-то с чем-то... – фыркнула Жанна.

– Идея созвучная наступившей эпохе. Но не сгущай краски. Как правило, этот процесс сильно растянут во времени и, рассредоточиваясь, он ложится на плечи многих поколений, – деликатно вступила в разговор Лена, пытаясь восстановить хрупкий неустойчивый мир в их маленьком нестабильном коллективе. Но она только раззадорила Инну.

И Аня не удивилась: «Если Инна что-то задумает, она ни перед чем не остановится».

А та и правда вновь пошла в наступление, направленное на всю систему взаимоотношений в мире капитала.

– Банк лопнул! Классику надо читать. Там все эти фокусы еще век назад описывались. Они применялись для обогащения отдельных личностей. Награбил человек, положил в карман

чистоганом несколько миллиардов, обанкротил свое предприятие и свалил за кордон, то бишь в другую страну. Всех с носом оставил. И за себя отдуваться заставил. Обычные «вариации на тему» мошенничества в особо крупных размерах. Всё как «в лучших домах Парижа и Лондона». Выигрывают те, кто играет краплеными картами, кто умеет подтасовывать. В общем, шулера и отъявленные мошенники мирового уровня. Вы все жаловались, что судьба мало сводила вас с интересными людьми. Вот и дождались, – рассмеялась Инна. – Мы всё воображали, что у нас иной, особенный путь. Законы развития общества одни на всех. Неистребимая доверчивость, заносчивость и бестолковость у нас особенные. Все надеемся, что разум и порядочность в мире возобладают. Власть и деньги перекрывают мозги политикам. Ха! Конечно, все это как бы во благо своего народа. Например, американцы ссорят государства, устраивают войны и революции под тем соусом, что эти страны – зоны их непосредственных интересов, и на том наживаются. Они закоперщики всех заварушек, возникающих на планете.

– Два-три государства командуют всем миром и «реализацией» всех наших надежд. Международная финансовая элита устраивает войны и цветные революции. Щупальца свои по всему миру распустила. Любит поиграть мускулами. Сложно представить ее борющейся за мир, – добавила Жанна.

– Нет, американцы, конечно, за мир, но только на своих условиях. А скандально-известный во всем мире Хрущев – вспомните его знаменитый ботинок! – «...мечтал, закусив удила, свести Америку и Россию». Чудак! Ухо остро с ними надо держать, чтобы не распоясались.

– Никита молодец был: в страхе всех держал, – сказала Жанна.

– Всех да не всех, – усомнилась Аня.

– Выслушала я твой яркий монолог, который сводится к тому, что... Ну, Америка, держись! За тебя взялась сама Инна, – рассмеялась Жанна.

– Все-то тебе шуточки-прибауточки. Только не забывай, что Америка – хитрый последовательный коварный враг. Раньше они с нами боролись, будто бы боясь красной «заразы» – коммунизма. А на самом деле противостояние было из страха усиления СССР. И теперь уже в этом никто не сомневается. Нам нельзя их недооценивать. Мы всем в друзья навязываемся, всем помогаем, а они только на свою мельницу воду льют. Да еще дергают за ниточки своих кукол-манекенов, марионеток, получая от них дополнительный кислород. Для понимания такого поведения почитай их гимн, там сплошняком идут грубые агрессивные угрозы всему миру. А в нашем – любовь, восхищение и благожелательность. Вот и решай, кто есть «империя зла». Радикальный пример? Шикарный! – похвалила себя Инна. – Пусть беснуются. Мы настороже.

– Я не «въехала», ты это к чему? Наша страна – не площадка для их опытов, – сердито взвизгнула Аня.

– Жанна, объясни ей на пальцах: «Пока мы сильны».

– У тебя одной безупречное чувство правды! – обиделась Аня. – А мы шаг за шагом повторяем ошибки тех же американцев. Возьми образование. Зачем нам их ЕГЭ? Как быстро изменились люди в худшую сторону! Выпустили из себя всё плохое, что в них глубоко гнезилось...

– Далеко не всё и не все, – фыркнула Инна.

– Ящик Пандоры мы уже вспоминали, – недовольно заметила Лена. – Пора бы перестать лить словесные помои на своих соотечественников.

Но Инна наперекор подруге из вредности поддержала Аню:

– Нашим новоявленным олигархам при советах, как водится, подвизавшимся на партийно-командном поприще, уже имея «скромный» опыт комсомольско-партийных тусовок ничего не стоит, с щенячьим восторгом кляня опостылевшую советскую действительность, надираться на Западе до поросычьего визга, проматывая то, что с великим трудом зарабатывалось нашими тружениками, не заботясь о перспективах развития ограбленных ими предпри-

ятий. В поисках острых ощущений они не находят ничего лучшего, как просаживать миллионы в рулетку. Как же, они самые значительные фигуры нового времени! Им не приходит в голову вложить деньги в развитие производства или хотя бы помочь детдому, инвалидам или на крайний случай церкви, чтобы отмолить свои грехи... А простым людям потерпевшим полный жизненный крах хоть на паперть выходи.

– Ну, если на панель уже поздно... – рассмеялась Жанна. Она устала и ей уже хотелось прекратить самой же затеянный разговор.

– Воображаешь, что тонко поддела? Давай, приложи усилия, отмети мои тревожно-мнительные подозрения? Объясни нам, кто банкротит наши предприятия, а деньги в офшоры отправляет? Простые рабочие? – возмутилась Аня.

– Хватит вам цапаться. А то... – встряла Жанна.

– Напугала. Обмираю от страха, – моментально отреагировала Инна.

– Надоело. Заладили одно и то же. Можно подумать, только вы в университете изучали азы экономики капитализма. Ликбез нам устроили. Чем козыряете? – хмуро прервала пустопорожний диалог Жанна.

– Знанием того, что «история учит тому, что она ничему не учит», – усмехнулась Инна.

– Далеко не всех и не всегда.

– Мы до сих пор живем по обезьяньим, биологическим законам, – рассмеялась Инна.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.